Сканер

Илья Леонидович Фальковский

SHOUT
SHARE
IT

•

Илья Фальковский

СКАНЕР

I

– Колу, пожалуйста.

Желтый платочек. Желтые платочки на шеях у стюардесс. Стюардесса улыбнулась и протянула Тому пластиковый стакан с колой на подносе. Том улыбнулся в ответ.

Прежде чем сделать выбор, он колебался всего лишь секунду. Колу или томатный сок? На земле Том никогда не пил ни колу, ни томатный сок. Но на высоте вкус томатного сока обострялся. А кола вставляла не хуже кофе. Сок лучше пить перед едой. А колу – перед работой. Тому предстояла работа. И он выбрал колу.

Том откинулся в кресле. Сосед слева увлеченно резался в «Рубиновые джунгли». Пройдя на третьем уровне через дождь метеоритов, он погружался в нефритовые пещеры империи шарпов. Сосед справа стрелял серебряными иглами в надвигающееся на него реликтовое чудище. Том начал сканирование.

Ряд за рядом. Кресло за креслом. Левая сторона. Ребенок лет десяти нажимает на кнопки геймбокса. Рядом молодая женщина пытается убаюкать хныкающего малыша. Лысоватый господин с недовольным видом уткнулся в газету. Сзади воркует влюбленная парочка. Долговязый мужчина вытянул ноги в проход и грызет семечки. Еще дальше юнец в бейсболке щелкает переключатель монитора. 100 фильмов в памяти диска. Фантастика, мелодрама, боевики, мультики. Поди выбери что-нибудь из такого обилия. Рядом старичок клюет носом, погрузившись в мягкий плюш сидения. Его жена задумчиво уставилась в спинку впереди стоящего кресла. Вспоминает, небось, неоплаченные счета. Электричество, газ. Газ, электричество. Вот оно – счетчик водозабора!

С левой стороной все в порядке. Том закончил проверку и перешел к правой. И тут же увидел его. За три ряда от себя. Он сидел, поджав ноги и скрестив руки на груди. Толстенький коротышка в дорогом костюме от Линь И. Капельки пота на лице. Достает шелковый платок из правого костюма пиджака и вытирает лоб. Смерть предстоит 17 ноября этого года. Через две недели. Сосед справа спит, локтем прикрыв глаза. Кресло слева – пустое.

– Извините, сэр.

Теперь реликтовое чудище гналось за соседом Тома. Мелькала спина пытавшегося ускользнуть беспомощного тела.

Руки нелепо махали в разные стороны. Том попытался протиснуться. Игрок лишь поджал ноги, не меняя позы. Игра не желала прерваться.

Том выскользнул в проход и направился к свободному креслу. Приземлился. Ответил улыбкой на вопрошающий взгляд толстячка. Протянул визитку. «Агентство транснациональной безопасности. Том Верт».

Да, уже тридцать лет его звали так. Родился он в Москве, но когда ему не было и десяти, родители переехали в Париж. Так он превратился из Матвея в Тома. Социальное жилье на Гамбетта. Квартальная школа. Из учебы в ней Том запомнил лишь раздевалку спортивного зала. Каждый раз во время урока два ученика постарше приходили за данью. Том помнил их имена – Хиба и Журба. Один, кажется, сенегалец, а другой – алжирец. Они шарили по карманам уныло висевшей на крючках школьной формы. Если ты случайно засекал их за этим занятием, тебе было несдобровать. Следовали неминуемые затрещины и подзатыльники, а то и удар ногой в пах.

Потом дела отца пошли лучше. Дом остался прежним, но Том смог сменить школу на буржуазный лицей на Сан-Поль. Там учились розовощекие крепыши с отглаженными манжетами и в опрятных синеньких пиджачках. По воскресеньям Том ездил на запад в китайскую школу. Его отец хорошо чувствовал конъюнктуру. Юань тогда еще не стал мировой валютой, но тенденция уже была ясна. Любой мало-мальски думающий человек понимал, что китайский если и не придет на смену английскому, то в любом случае станет столь же незаменимым при деловом общении. К тому же учеба в китайской школе была неплохой интеллектуальной встряской. Чем-то сродни учебе в спецшколе. Мода на математические и биологические колледжи и лицеи сменилась модой на китайские школы.

«Эдгар Моретти». Коротышка протянул свою визитку в ответ.

– Когда получите багаж, не убегайте. Нам надо будет поговорить. Наедине.

Коротышка понимающе кивнул. И отвернулся. Он старался казаться безразличным. Но Том знал, что было у него на душе. На душе у него было не лучше, чем у пойманной в мышеловку крысы с перебитой спиной.

II

Том изучал потолок мадридского аэропорта. Современное здание, недавно построенное. Освещение казалось искусственным, но на самом деле это был дневной свет, проникающий сквозь натянутую ткань крыши. Каждая секция напоминала раскрывшийся парашют. С металлических балок

конструкции свисали дополнительные флуоресцентные лампы.

Мистер Моретти вернулся из туалета и плюхнулся в кресло напротив. Том развалился на диванчике, одной рукой поглаживая потертую кожу обивки. Другой он показал на потолок.

– Хорошее дизайнерское решение. Не находите?

Моретти кивнул.

– Дабл капучино с соевым молоком, корицей и фруктозой, – сказал он подошедшему официанту.

Том заказал бутылочку Перье и двойной эспрессо. Каждый раз, перед тем как перейти к делу, он оттягивал этот момент. Нет, он знал, что все пройдет, как надо, и Моретти будет действовать по инструкции. Но сообщить человеку о том, что он должен быть убит… В этом был какой-то садизм. А Том не был садистом.

– Вы где работаете? – спросил он.

– А разве вам это не известно?

– Мистер Моретти, отвечать вопросом на вопрос невежливо. Сперва ответьте, пожалуйста, на мой.

– У меня своя компания. По уборке газонов.

– С кем вы живете?

– Один. У меня есть сын, но он живет отдельно.

– А он где работает?

– В моей компании. Вице-президентом.

– У вас есть враги?

– Нет. По крайней мере, мне ничего о них неизвестно.

– У вас не было никаких конфликтов за последнее время?

– Нет.

– Каких-то неприятностей?

– Нет. Не припомню.

– Ничего необычного с вами не случалось? Есть что-то важное, о чем вы могли бы мне рассказать? Мне нужно знать все, что поможет делу.

Пот струился по лицу Моретти куда сильнее, чем в салоне самолета. Его лицо выражало сильнейшее напряжение. Теперь его глаза бегали туда-сюда, как глаза загнанного хорька. Но сказать ему было явно нечего.

– А что, собственно, за дело? Какому делу? В чем меня обвиняют?

Том вздохнул. Теперь пришло время. Его черед отвечать на вопросы.

– Вас ни в чем не обвиняют. Дело в другом. Все гораздо хуже.

Моретти вперился в лицо Тома. Его глазки сверлили Тома насквозь. Он ждал.

– Все дело в новой программе. Я не буду посвящать вас в детали. К тому же и сам их не знаю. Я не специалист по

электронике.

Тут Том немного слукавил. Да, он не был специалистом. Но после лицея последовала Политехническая школа. Которую он с отличием окончил. И на последнем курсе которой был завербован Агентством.

– Вдобавок эти данные секретны. Скажу вкратце – вы верите, что самое главное для нас – это благополучие граждан во всем мире?

– Да, конечно.

– Главное для нас – чистота, порядок и процветание. Три кита. Искоренение преступности – непременная составляющая нашей работы. Мы почти достигли успеха. Осталось совсем чуть-чуть. Один дюйм. Вот столько.

Он поднес большой и указательный пальцы к лицу Моретти. Сдвинул их так, что между ними остался небольшой просвет.

– Понятно?

Моретти кивнул. Он был заранее абсолютно со всем согласен. Том продолжал, глядя в сторону. На хорошенькую официантку в белом передничке и с искорками смеха в глазах. Она чуть нагнулась, вытирая соседний столик. Кофточка слегка оттопырилась. Том скользнул взглядом вниз, за вырез кофточки. Даже вытирая столик, официантка продолжала улыбаться сама себе. Или ему. Том был не женат. Работа не оставляла времени на личную жизнь. Он замечал, что даже когда поглощен в свои мысли, его голова продолжает крутиться по сторонам, как на шарнире. Глядя на проходящих мимо женщин.

– И вот умельцы в агентстве изобрели программу. Она позволяет нам сканировать окружающих людей. Мы видим, если кто-то будет насильственно лишен жизни. Мы видим, где и когда.

Том перевел глаза на лицо Моретти. Тот по-прежнему старался казаться безучастным.

– Попросту говоря, мы видим, если кто-то будет убит. Мы почти точно видим время убийства. Но мы не знаем причину. И мы не знаем как. Это первая версия программы. Она еще не совершенна и находится в дальнейшей разработке. Чип с ней у меня в мозгу.

Капля интереса появилась в глазах Моретти.

– Моя задача – предотвратить ваше убийство. Судьба – вещь относительная. Но не обязательная. Судьбу можно менять. Мы видим то, что может случиться. Но не то, что случиться должно.

Моретти снова кивнул. Том понял, что он просто устал. Он устал от этой беседы и от этого назойливого агента. Он устал еще в самолете. Устал бояться и ждать. Он знал, что от него что-то хотят. Но не знал, что. Но для него это было не важно. Он был

готов слушать. И готов повиноваться. Но он был не готов думать. Он просто знал, что агента нужно слушать. И нужно делать то, что он скажет. Моретти был готов действовать по инструкции. Да, он не был готов думать. Но это по большому счету от него и не требовалось.

– Мы проверим все ваши связи. Все концы. Все входы и выходы. Мы будем начеку. В день предполагаемого убийства я буду неотлучно с вами. Я стану вашим вторым «я». Я прикрою вас. Так что ничего плохого не случится.

Том встал и пожал Моретти руку.

– У нас большой опыт предотвращения подобных преступлений. Все всегда проходит гладко. Прокола не будет. Положитесь на меня.

III

Все проходит гладко. Наверняка Моретти думал, что Том был тот, кто мягко стелет, а спать придется неизвестно как. Но Том и в самом деле не соврал. Нельзя сказать, что все было легче простого. Но при определенных предосторожностях программа работала. Число убийств свелось практически к нулю. Так, одно-два в год в Нью-Йорке и Москве, два-три в Тегусигальпе. Это если по какой-то нелепой случайности не успевали отследить. Если же отслеживали, все было в порядке. Программа действовала уже два года. На счету Тома было два десятка предотвращенных смертей. Последний случай был всего с месяц назад. Он работал тогда на маршруте звездный паром Цим Ца Шуй – Ван Чай. Отследил того директора ночного клуба из Гуанчжоу. Он что-то не поделил с бандой наркодилеров. Через неделю они примчались на своих летающих скутерах на вершину горы Байюнь, где на самом пике Мосинлин расположился клуб «Поцелуй дракона». Вооруженные до зубов. Ну и что с того? Люди Тома отстреляли их, как желторотых птенцов. На первом этаже клуба были бассейн и танцпол. На втором – ресторан, караоке-бар с отдельными кабинками, все дела. Том расставил своих людей по периметру второго этажа. А сам сидел в баре и попивал содовую. Вообще-то европейцев внутрь не пускали. Но для него сделали исключение. Европейцы работали на входе. Два дюжих охранника заскочили вслед за Томом внутрь и попытались его вывести. Но услужливый официант объяснил, что он друг хозяина. И он здесь по делу. Охранники убрались восвояси. Официант, улыбаясь и согнувшись чуть ли не до полу, поставил на столик бутылочку колы со льдом.

– От заведения, – пояснил он.

Том не собирался пить колу. Но из вежливости не стал отказываться от подарка. Европейцы здесь не отдыхали, а работали. Вот и Том был при работе. На маленьком круглом

подиуме танцевали три полуобнаженные девушки в серебристых купальниках. Две из них были европейки, а одна азиатка. Она заводила европеек, и те качали бедрами, пытаясь повторить ее движения. Но они не вполне улавливали ритм. Их движения были чуть угловатыми.

«Наверное, новенькие», – подумал Том.

Надо следить за ними чуть повнимательнее. По их лицам Том вычислил, что они русские. Том всегда безошибочно угадывал бывших соотечественников. В любой точке мира. По какому-то немного другому выражению лица, чем у остальных европейцев. Нельзя сказать, чтобы это выражение было зажатым. Но на лицах русских читалось какое-то ожидание и отстранение. Ожидание чего-то неведомого. И отстранение, переходящее в задумчивость и погруженность в себя. Они были отделены от остального мира. Они не были к нему расположены. Они не ждали от него ничего хорошего. Они ждали чего-то, но это было ожидание неприятностей. Либо ожидание какой-то внешней силы, которая должна придти из ниоткуда. Со стороны. Напряжение читалось на их лицах. И Том знал, что такое же напряжение написано на его лице. Это напряжение было ничем не стереть и не вытравить. Оно не исчезло даже за долгие годы жизни за границей. За годы странствий по разным странам, ныне объединившимся в одну. По этому напряжению русские узнавали друг друга. Но, в отличие от китайцев, они никогда не бросались друг к другу в объятия. Даже при встречах друг с другом в самых отдаленных концах планеты. Когда Том учился в лицее, у него была подружка-китаянка. Перед поступлением в Политех, он отправился с ней в путешествие. Она привезла его к себе на родину. Это был маленький остров, заброшенный в Южно-китайском море. На пустынных многокилометровых пляжах можно было не встретить ни души. Они гонялись по бесконечному берегу за крабиками. И вот однажды наткнулись на группу европейских туристов в одинаковых ковбойских шляпах и длинных плавках в цветочек. Туристы пили пиво и грызли орешки. Подружка Тома тоже умела безошибочно отличать русских. Взметнув облако песка, она понеслась к ним с криком:

– Смотрите, здесь еще один русский!

Она показывала в его сторону пальцем. Но русские насупились и отвернулись от нее. И Том неосознанно повторил их действия – тоже насупился и отвернулся. Она так и застыла безмолвно посередине.

– Почему русские не радуются друг другу? – спрашивала она Тома потом.

Но он не знал что ответить. Реакция китайцев была

абсолютно другой. При встречах друг с другом они громко кричали, обнимались и целовались. Тогда Том понял, что китайцам, в отличие от русских, присущ природный коллективизм. Если в кафе за одним столиком кто-то начинал смеяться, то постепенно начинали смеяться и за другими. Смех передавался от столика к столику. Цепная реакция. Если кто-то плакал, то передавался и плач. Том с подружкой жили в двухэтажной обшарпанной гостинице на берегу. Прошлогодний тайфун уничтожил балконы и перила на входной лестнице. Из трещин на потолке выползали сонные ящерицы. Однажды подружке позвонил папа. Он сказал, что играл в баскетбол и сломал руку. Подружка заплакала. Том услышал, как на том конце провода заплакал и папа. Том удивился и посмотрел на трубку. Его отец вряд ли стал бы сообщать ему о своих невзгодах. И уж точно не стал бы реветь, точно баба. Рыдания стали заметно громче. Добавился какой-то женский визг. Том понял, что по правилу цепной реакции плачет мама. Похоже, к ней присоединилась и бабушка. Он не заметил, что слезы уже текут и по его лицу.

Китайцы все делали сообща. Если гулять – так вместе. Они предпочитали гулять по освещенным широким улицам и торговым моллам. И терпеть не могли уединенные прогулки по горам и лесам. На острове был один городок. Так сказать, столица. Туристы предпочитали купаться на платном городском пляже. Знакомые подружки косо смотрели на Тома, любившего слоняться по диким пляжам. Чтобы попасть на которые, нужно было всего лишь перевалить через небольшой холм. Однажды на остров приехал двоюродный брат подружки – мальчик лет одиннадцати.

– Где будем купаться? – спросил Том.

– Конечно, где все! – ответил брат.

Тот день запомнился Тому, как день настоящей пытки. Он понял, почему на фотографиях китайских пляжей так много людей. Вовсе не потому, что в Китае вообще негде развернуться. Просто все они опасались одиночества. Они хотели собраться вместе, чтобы было весело. Он увидел море. Но это было море людей. Все они скопились в небольшом загончике, длиной метров тринадцать. Они стояли по колено в воде под зонтиками и со спасательными кругами на животе. Том протиснулся между ними. Брат радостно плескался у его бедра. Наступила тишина. Все эти люди вдруг враз замолчали. Все они повернулись лицами к Тому. Они образовали огромную разноцветную радугу вокруг него. Казалось, они увидели громадную белую обезьяну в зоопарке. И этой обезьяной был Том. Нельзя сказать, чтобы он был рад

оказаться в центре внимания. Он стоял среди них, красный как рак. И не мог пошевелиться. Ему просто было тесно. Вдруг один маленький мальчик протянул к нему руку. И потрогал за живот. Потом дернул волосок с живота Тома.

– Маоцзы, – отчетливо услышал Том.

«Маоцзы», – по-китайски означало «поросший шерстью». Том, наконец, осознал, чем отличался от местных жителей. Их тела были гладки, как ручка коробки передач.

– Маоцзы, - неслось отовсюду.

Крики и смех. Громогласный смех. И он становился все громче. Все громче и громче, сливаясь в бесконечный чудовищный шум. Руки тянулись к нему отовсюду. Все старались выдернуть по волосику на память. Они дергали и дергали…

Том понял, что задремал. Жесткое техно всегда так убаюкивающе действовало на него. Девушки по-прежнему танцевали. Все посетители кроме него были азиатами. Они не танцевали. Они даже не смотрели на девушек. Они сидели за столиками и крутили пластиковые стаканчики с костями. И выкидывали кости. Тот, кто проигрывал, покупал другому пиво. Они пили пиво ящиками. Выходили тошнить в туалет. Потом снова возвращались. И пили пиво. Черные стены клуба. И много стекла. Минимализм. Европейцы здесь на работе. Два охранники, две девушки и он. Том пригляделся к третьей, главной девушке. Той, что лучше всех танцевала. Он понял, что она тоже не китаянка. Наверное, вьетнамка. Директор клуба сидел за столиком напротив. Он в очередной раз выиграл и ему принесли шесть банок Хайнекена.

«Если он пойдет в туалет, я пойду с ним», - подумал Том.

В этот момент на улице раздался грохот. Это подъехали дилеры. Первый из них даже не успел достать свой ночной АК-74М трехсотой серии. Они неплохо подготовились к делу – все обзавелись «трехсотыми», оборудованными лазерными целеуказателями и прицелами. Но они не учли, что их ждали люди Тома. Человек Тома вышиб первому мозги, когда тот был еще на подъезде. Он шлепнулся в бассейн под удивленные взгляды ничего не понявших посетителей клуба. Два других успели взлететь, но до второго этажа они не долетели. Снайперы Тома сбили их точечными выстрелами. Еще трое пустились в объезд и атаковали с тыла. Двоих из них постигла та же судьба, что и их товарищей. Третий влетел в ресторан вместе с осколками стекла. Ресторан был огромен и пошл. Хрустальные люстры на потолке, покрашенные золотом деревянные драконы на стенах и красные скатерти на столах. Псевдороскошный стиль, который так ненавидел Том. Он был бы рад случаю все здесь

расколошматить. Но случай представился не ему, а его человеку, местному уроженцу по имени Джейк Ли. Переодетый в бармена Джейк стоял в конце зала за барной стойкой и ждал своего шанса. Когда скутер третьего пронесся несколько сот метров и уже почти вонзился в буковую стойку, Джейк поднырнул под нее и разрядил, не глядя, свою обойму в голову гостю.

«Все», – подумал Том. Но это было не все. Вьетнамская танцовщица скользнула рукой по спине и тут же метнула стилет в сторону Тома. Том уклонился, ребром ладони отбивая стилет. Он вонзился в стол. Падая, Том первую пулю выпустил ей в лицо, а вторую и третью в двух охранников, потому что… Он не знал почему, он просто чувствовал, что так надо. Наверное, потому, что падая, краем глаза он успел увидеть – они бегут в его сторону, а не в сторону своего босса.

IV

Трехэтажный дом мистера Моретти стоял в самом центре Нового Бостона – так неожиданно назывался этот свежайший пригород Мадрида. Это был новомодный дом из цельного алюминия, из тех, что легко можно таскать за собой. С тех пор, как многие стали работать дистанционно, вошло в моду переезжать с места на место. Полгода здесь, полгода там. Зачем ждать пенсии, когда можно путешествовать прямо сейчас. Пожить на берегу озера, на окраине леса, или в новом районе древней столицы. Поменять прерии на джунгли, умеренный климат на экваториальный, а потом на тропический или субтропический. Такие дома оснащены современными системами отопления и охлаждения. Так что перепады погоды не страшны. Чувствуешь себя комфортно в любых условиях. Взял с собой весь свой скарб и в дорогу. При переезде не нужно расставаться с любимыми вещами. Мониторы, лэптопы, планшеты, костюмы, футболки, нижнее белье, ботинки, кроссовки и плюшевые игрушки – все едет с тобой в полном объеме. Свой дом можно легко подцепить за крюк на крыше и положить в трейлер. Возникли даже целые мегаполисы из этих домов.

Дом мистера Моретти был окружен небольшим садиком. Сад хорошо просматривался. Аккуратно подстриженный газон. Мелкий кустарник с одной стороны забора. Ни одного дерева. Кроме дачных качелей и мангала, других предметов в саду не было. За домом – стальная пятиметровая стена, отделяющая этот квартал от соседнего.

На этот раз Том взял с собой всего двоих своих людей, но самых надежных. Громилу Мигеля и Такеши Шмеля. С Громилой он работал в Биратнагаре, Канкуне и Спейтстауне. Он всегда прикрывал Тома сзади. Они вместе были и в Чьяпасе, правда, еще

до изобретения программы. Это было в те времена, когда Агентство просто безжалостно отстреливало преступников. В Чьяпасе особых проблем не было. Сожгли напалмом джунгли вместе со всеми повстанцами. Проблемы возникли в Руанде, когда племя пигмеев тва объявило войну Агентству и стало нападать на кофейные плантации. Сжечь их не решались, опасаясь повредить сельскохозяйственные угодья. Тогда-то и приняли решение высадить десант. Повстанцы обустроили хижины на ветвях деревьев. Задрав голову вверх, Том отстреливал их наугад. Сквозь дремучую листву деревьев было ни черта не различить, кроме косых теней. Повстанцы просто падали вниз, и Том считал попадания в цель. Никаких чувств Том не испытывал. Для него это были враги и все. Он называл их объектами. Это было, как сбивать с пальмы кокосы. Очередной объект скатился на землю, раскинув руки.

– Девять, – посчитал Том и раскрыл рот от удивления.

Объект был блондином с длинными разметавшимися по плечам волосами.

Том опустил ружье. Он успел подумать: «Вот кто здесь, значит, верховодит», и в этот момент с дерева сзади на него прыгнули двое пигмеев. Вот тут-то и пригодился Громила Мигель. Он схватил их за шкирки еще в полете и стукнул лбами друг о друга. Том не оборачивался, но услышал, как хрустят их кости в лапах Громилы. Это было все равно, что хруст тонкой куриной косточки на зубах у него самого.

Такеши Шмеля Том принял на работу десять лет назад. Выбрал его из курсантов Высшей школы в Лодзи. Такеши был незаменимый стрелок. Он был лучший студент на курсе. Можно было установить в ряд хоть двадцать, хоть тридцать мишеней. Методично поводя своим Типом-100 от одной к другой, Такеши попадал в десятку каждой из них. Семь лет назад Том сопровождал секретный груз Агентства. Это было оружие, которое под видом леса везли в Йоханнесбург. Судно шло вдоль берегов Индийского океана, когда на них напали пунтлендские пираты. Нападение оказалось неожиданным, потому что считалось, что с тех пор, как Пунтленд перешел под протекторат Агентства, пиратов больше нет. Так что это были реликтовые пираты, в свою очередь замаскировавшиеся под рыбаков. Вся охрана судна состояла из Тома и Шмеля. Они спокойно сидели в кубрике и заваривали пуэр, когда с верхней палубы раздались крики. Так вот, Такеши быстро взлетел вверх по лестнице и столь же методично, как и мишени, расстрелял всех двенадцатерых нападавших.

Громила и Шмель уселись на крыльце дома. Громила достал

из кармана портативные шашки, и они будто бы увлеклись игрой. Но на самом деле это было лишь видимое впечатление. Благодаря механическим рецепторам Громила в буквальном смысле спиной чувствовал опасность. А у Шмеля в голове был чип, позволявший реагировать на движение.

Сам Том поднялся на второй этаж. Сканер сказал, что убийство должно произойти ночью, но точного времени он не знал. Моретти ужинал куском почти сырого бифштекса и жареной картошкой, запивая все это испанской Риохой десятилетней выдержки. На десерт у него были три вида сыра – с плесенью, камамбер и козий. Том сидел рядом и читал газету. С тех пор, как у него начались проблемы со здоровьем, он отказался от мяса, жареной и жирной пищи. Врач сказал, что всему виной постоянный стресс. Полетела щитовидка, вместо нее на полную катушку включился гипофиз и нарушились все балансы в организме. Временами у Тома немели ладони и ступни. При его работе это было недопустимым. Первый раз это произошло перед тем, как его перевели в Гонконг. Он преследовал педофила в ночном Сохо, с трудом перебирая ногами. Такое же усилие ему пришлось прикладывать через пару минут, когда он нажимал на курок. Он так испугался, что на следующий день после этого впервые в жизни отправился к врачу. Врач утешил его, что легко можно поставить новую щитовидку. Но пока на эту замену у Тома не было времени. Отужинав, Моретти пришел в веселое расположение духа и отвлек Тома беседой.

– Вы не были в «Кармэ»? – спросил он.

– Нет.

– Обязательно зайдите. Рекомендую. Три звезды Мишлен. Здесь совсем неподалеку, на соседней улице.

Разговоры о еде были Тому неинтересны, но из вежливости он решил поддержать беседу.

– Вы там часто бываете? – спросил он.

– Частенько. Последний раз не далее, как вчера. Пил там великолепное вино за 9999 юаней бутылка. А в придачу к нему – шоколадные яйца с начинкой из экзотических фруктов. Но там можно взять и такое же яйцо с начинкой из черной икры. Вообще это конек тамошнего шефа – совмещать несовместимое. Например, там подают блюдо из ломтиков арбуза вперемешку с битым огурцом, или кускус с соусом ткемали и сливочным мороженым. Жалко скоро придется от всего этого отказаться.

– Почему?

– Я переезжаю. Собираюсь сменить обстановку.

– И куда это? – поинтересовался Том.

– Ну, я уже не молод. Пора на пенсию. Собираюсь передать

бизнес сыну. Вы слышали о корабле «Мир»?

Том кивнул. Он что-то читал в газетах.

– Слышал, но точно не припомню.

– Это кругосветный корабль. Там каюты-квартиры, метров двести площадью. Я продаю дом и переезжаю. Всего 120 квартир на корабле, 120 семей. Все очень достойные люди. В основном пенсионеры, но есть и те, кто по полгода живет там, а в остальное время улетают по делам. Лететь можно прямо с корабля, там на верхней палубе стоянка для вертолетов. Прекрасная обслуга, есть ресторан. Но мне будет не хватать «Кармэ».

Том захотел спросить, есть ли на корабле кладбище, но постеснялся. Вместо этого он спросил:

– А вам не наскучит видеть одно и то же? Ведь мир можно обогнуть очень быстро. И что потом?

– Вы ошибаетесь. Наш мир очень велик. Мы будем плыть очень медленно, заходя в разные порты. Мы будем менять маршруты. В этом году в одну сторону, в следующем в другую. Потом вы сами знаете, планета постоянно меняется. Если в этом году мы пристанем в Барселоне или Владивостоке, то через 10 лет это будут уже совсем не те Барселона и Владивосток.

С этим Том был согласен. После ужина Моретти отправился в спальню. Том обошел ее по сторонам. Платяной шкаф. Выключенный кондиционер. Телевизор на тумбочке. Ставни окна плотно закрыты.

– Вы позволите? – Моретти начал расстегивать пуговицы рубашки.

– Да, конечно. Спокойной ночи.

– До завтра.

Том вышел. Притворил дверь, но не захлопнул. Услышал, как Моретти улегся в постель. Том приглушил свет. Поставил стул у стены рядом с дверью и уселся в него. Некоторое время негромко работал телевизор. Затем тишина, только мерное дыхание Моретти.

Том оперся затылком о стену. В такие минуты, когда ему было нечем заняться, он всегда думал о море. Странное дело, он почти никогда не вспоминал раннее детство, Москву, ветер, гудящий в спальном районе, который срывает с тебя кепку и мешает идти, или мелкую крупу снега, который больно бьет тебя по глазам. Он вспоминал море.

Он вспомнил, как в ту первую поездку на каникулах, его подружка боялась купаться. Она, уроженка тех морских краев, имела представление лишь о купании в водном аттракционе или бассейне. Том затянул ее в воду. Подружка кричала, закрываясь руками от набегавшей волны.

– Пойдем чуть подальше, – предложил Том. – Если мы зайдем по горло, ничего страшного.

Он взял ее за руку, и они прошли несколько шагов вперед. Новая волна была больше предыдущей, и она сбила подружку с ног. На секунду ее голова оказалась под водой, а потом Том увидел, что волна отнесла ее вперед.

– Тону! – кричала подружка.

Она уже не могла достать ногами до дна. Том бросился на помощь. Он подплыл к ней.

– Держись за меня, – сказал он.

Он поднырнул под нее, и подружка схватилась за его шею двумя руками. Он поплыл к берегу, она лежала на его спине. Но она так сильно вцепилась в его горло, что он стал задыхаться. Он испугался, что и сам утонет. Тогда он нырнул в воду и поплыл под водой резкими рывками вперед. Вообще он часто видел один и тот же сон – что его душат. Правда, обычно это происходило в лифте. Или при выходе из лифта. Открывались двери и на Тома накидывались двое мужчин. Один ставил ему подсечку, сбивая с ног, а другой двумя руками вцеплялся в горло и душил. Или накидывал удавку.

Раздался легкий хлопок. Том очнулся. Он понял, что полузадремал, сидя на стуле. Том прислушался. Что-то изменилось в воздухе. Не было слышно сопения мистера Моретти.

– Мистер Моретти, – позвал он. – Эдгар!

Никто не отозвался. Том встал, осторожно открыл дверь и вошел в комнату. Тишина. Нащупал выключатель и включил свет. Мистер Моретти по-прежнему лежал на кровати. В его голове над ухом зияла дыра, как от пули калибра 14 мм. По подушке растеклись кровь и мозги.

V

– Привет, Том! – в комнату вошли Фил Коллинз и его сотрудники-следопыты.

– Привет, Фил!

Том не любил следопытов. Он звал их «нюхачами». Но тут, что вынюхивай, что не вынюхивай – все равно. Он и сам уже облазил спальню со всех сторон. Ничего. Никаких следов. Ставни окна были по-прежнему плотно закрыты.

«Не через телевизор же или кондиционер он просочился», – думал Том.

Если и был убийца, он не оставил никаких следов. Дыра в голове мистера Моретти была сквозная. Но ни пули, ни гильзы в комнате не было.

В ухе у Тома запиликал наушник. Проигрыш из трэка

«Исступление» команды «Черная страсть». Неприятный женский голос сообщил, что завтра с утра его ждет у себя шеф.

Том вышел на крыльцо. Не оборачиваясь, махнул рукой Громиле и Шмелю, все так же примостившимся на ступеньках.

Через час он был в центре города. Открыл дверь квартиры, которую они сняли за неделю до убийства. Обычная маленькая квартирка, живя в такой, легко затеряться. На самом деле она была чересчур маленькой. Жара стояла невыносимая. Тридцать семь градусов по Цельсию. В квартире была всего одна комната, она же – гостиная, кухня и спальня. Потолок был высоким, так что под ним был еще один узкий отсек, на котором лежал матрас. Наверх вела шаткая деревянная лесенка. Громила и Шмель ночевали внизу на раскладном двухместном диване. Том спал в отсеке. На стене напротив был кондиционер, но до Тома он не добивал. Каждую ночь Том весь в поту ворочался с боку на бок, скинув с себя одеяло и тщетно пытаясь заснуть. То и дело он спускался вниз за стаканом воды или чтобы ополоснуть лицо. Ненадолго становилось легче, но потом с него снова начинал ручьями стекать пот. Волосы слиплись как от мыльной пены. Бесконечная пытка. В одну ночь Том не выдержал, сполз вниз и улегся на полу на белый ворсистый ковер.

Том собрал сумку. Посмотрел на часы. До выезда в аэропорт оставалось два часа. Раннее утро, еще не так жарко. Он решил пройтись. Вышел на улицу Эрнан Кортес. Дом стоял в самом центре квир-квартала. Улицы украшали перетяжки с разноцветными флажками. Два дня до квир-парада. Вокруг слонялись парочки влюбленных трансгендеров, лесбиянок, геев, бисексуалов, двудуховных и сомневающихся. Том пошел вниз по Орталеса. Пересек Гран Вия, дошел до площади Пуэрта-дель-Соль. Дал монетку застывшему в позе статуи миму в образе Чужого. Переулками дошел до квадратной площади Майор, пересек ее. На рынке Сан Мигель заказал жареных мидий. На соседнем прилавке на льду валялись рыбины, крабы и лобстеры. Лобстер еще шевелил клешнями, тщетно пытаясь сбежать. Но бежать было некуда. На прилавке справа из льда торчали стаканчики со свежевыжатым соком, разноцветные как квир-флажки. Том взял сок из киви и манго.

Расплатился и пошел дальше. Дошел до дворца, повернул мимо статуй королей к фонтану на площади Орьенте. Посидел у фонтана. Сосед рядом мочил в фонтане ноги. Другой сосед, смуглый латинос, зачем-то купал в фонтане мобильный телефон.

Тем же путем Том пошел обратно. К двенадцати он вернулся в квартиру за сумкой. Всю дорогу ему казалось, что за ним следят. Он старался не оборачиваться, потому что знал, что

опытного следопыта все равно не обнаружить, будь то человек Агентства или из тех, кто убил мистера Моретти. Из тех, кто убивал.

VI

В этой стеклянной башне на краю залива Том бывал не часто, а с шефом виделся и того реже. Только на важных совещаниях и два-три раза лично. Том был агент третьего уровня, одного из самых высоких. За ним следовал второй, а первый был, наверное, только у самого шефа. Третий уровень был последним для действующего агента. Отличие состояло в том, что агент третьего уровня мог вызвать машину по необходимости, а агент второго уровня постоянно ездил на машине с водителем. Значит, по-настоящему работать агентом он уже не мог. Агенты второго уровня были боссами среднего звена, начальниками департаментов. А статус Тома был что-то вроде заместителя начальника департамента. Но дальше двигаться по службе он и не хотел. Он избегал рутинной офисной работы, предпочитая работу полевую. Никакой особой нужды бывать регулярно в Агентстве у Тома не было. То есть, конечно, он мог специально сюда наведываться с личным докладом раз в неделю или две, как делали его сослуживцы, чтобы лишний раз полизать жопу своему начальнику. Но Том этого делать не любил.

Двери лифта открылись, и Том вынырнул в огромный холл 33-го этажа. В конце холла за таким же стеклянным столом сидела очередная секретарша шефа. Длинноногая пышногрудая блондинка, все, как положено. Том не знал, была ли она настоящей или штампованным статистом. Но это было не важно. Имени ее Том тоже не знал. Шеф менял секретарш как перчатки, и все они были на одно лицо.

– Меня вызывали, – сказал Том.

Секретарша кивнула.

– Я знаю. Он ждет.

Том открыл стеклянную тонированную дверь.

Шеф расплылся в улыбке до самых ушей. Нельзя сказать, чтобы он бросился навстречу Тому с распростертыми объятиями, но он даже чуть привстал из-за стола. Вернее, сделал вид, что хочет привстать.

Шефа звали Джим Колт. Он был известен тем, что лично тридцать лет назад застрелил двух или трех президентов непокорных стран.

– Рад тебя видеть, Том! Присаживайся.

Том сел напротив, вытянув ноги под стол.

– Ну как, подустал?

– Да нет, все в порядке.

– Ну что ты такое говоришь! Старика не проведешь! Я же вижу, ты вымотан, словно геймер после трехнедельного бессонного полета на симуляторе!

Том кивнул. Спорить с шефом было бессмысленно.

– Сказать по правде, есть немного.

– Как ловко ты провернул то дельце на Мосинлине! Ведь там все прошло гладко. Да, Том?

– Да, вы правы.

– А сейчас что-то не то. Что-то не то…

– Шеф, я найду причину. Я докопаюсь, как они это сделали.

– Не волнуйся, Том. Я вижу, как ты волнуешься. На тебе просто лица нет.

– Да я и не то, чтобы волнуюсь.

– Нет, Том, ты очень, очень волнуешься! Вот и говорю, что тебе надо отдохнуть!

Том опять промолчал. К чему клонит шеф?

– Тех, кто это сделал, мы найдем сами. А ты пока приходи в себя.

– Что вы имеете в виду?

– Я посмотрел твое досье, Том. Ты не брал отпуск уже несколько лет. А тебе нужно подлечиться. У тебя же нелады со здоровьем. Я знаю про твою щитовидку. Агентство заботится о тебе, Том. Иначе и быть не может.

Том и не думал, что могло быть иначе.

– Пока что ты уйдешь в отпуск. Длительный, месяца на три.

Том смотрел в пол. Отпуск. Значит, его отстраняют.

– Хорошо?

– Конечно, сэр.

– И вот еще. В понедельник ляжешь на маленькую операцию.

– Какую еще операцию?

– Сканер. На это время мы удалим его. Просто на время. Чтобы он не мешал тебе отдыхать. Все понял?

– Да, сэр.

Том кивнул. Во рту его пересохло. Его лишают сканера. Он встал со стула. Ватными ногами подошел к шефу. Не чувствовал, как пожал его руку. За окном маячили стеклянные башни той стороны залива. Светило солнце. Стеклянные лодочки покачивались на волнах. Мимо проплывали стеклянные уточки. Стеклянные дети пытались их поймать. Ссутулившись, Том вышел за дверь. Ударился бедром об угол стеклянного стола. Но мисс Неизвестность даже не посмотрела в его сторону.

Том почти дошел до конца холла, когда его прошиб пот. Его осенило. Убийцу не удалось остановить. Убийца не оставил следов. Убийцу невозможно найти. Кроме Тома, никого другого у

спальни не было. Они все думают, что там никого и не было. Они считают, что это Том убил мистера Моретти. И никаких доказательств иного у него не было.

VII

Том шел по улице, но он не знал, куда ему дальше идти. Он сел на скамейку напротив школьной площадки. Мальчишки гоняли мяч. Тому надо было сосредоточиться. Он смотрел на мяч. Мяч летал туда-сюда. Туда-сюда. По площадке. Наконец, он перелетел через ограду. Том мог его подкинуть мальчишкам. Но он не стал этого делать. Он остался сидеть на скамейке. Один из мальчишек перемахнул через забор и помчался за мячом. Но его надо было еще найти. Улица шла вниз, и мяч укатился далеко. Том повернул голову. Мяча не было видно.

Ему надо было оправдаться. Но как это сделать? Ему надо найти убийцу. Это требовала профессиональная гордость. Это требовала его честь. Нет, неправда. Том был уязвлен. Но не это главное. Ему просто хотелось найти убийцу. Он был гончей. Им двигали азарт и интерес.

«Неприятно, то, что непонятно», – всегда говорил сам себе Том.

Он должен найти разгадку. Докопаться до истины.

Но как это сделать? Без сканера он не игрок. Без сканера он выйдет из строя. Значит, нужно оставить сканер.

Том посмотрел на часы. Сегодня пятница. Два дня до операции. У него еще есть время. Сканер нужно будет оставить. Но ему надо будет замести следы.

Том облизал пересохшие губы. Ему уже за сорок. Впервые в жизни он выйдет из подчинения. Он ослушается приказа. Но у него просто нет другого выхода. Он должен это сделать не для того, чтобы спастись. Он сделает это для самого себя. Он сделает это из долга. Перед самим собой. Он должен оправдать собственное существование. Восстановить нарушенное равновесие. Сохранить баланс.

Но как? Том перебирал в голове варианты. Ворошил свою память, пытаясь извлечь из вороха ненужного барахла единственную вещь. Ту, которая может его спасти. Он вспомнил. Его единственным шансом был человек по имени Рудольф Гейдер. Его однокурсник по Политеху. Рудик был вундеркиндом, лучшим на всех пяти курсах. Что стряслось с ним после окончания, неизвестно. Но он примкнул к банде сценеров. Они воровали софт, альбомы и релизы у студий и лейблов. И бесплатно выкладывали их в сеть. Через сценеров можно было достать любой контент. Музыку, программы, фильмы, кино, плагины, крэки, игры, клипарты, семплы, порно. Все, что было

цифровым и продавалось за деньги, они раздавали направо и налево. Их цели были неясны. Том полагал, что они делали это ради собственной крутости. Сцену тупо завалили. Грохнули тысячи серверов по всему миру. Первые две операции shutdown и blackout были неудачными, но к началу третьей операции cutoff Агентство расширило свою сферу влияния. Ходили слухи, что Руди был не просто участником банды, он был главным. Но к счастью для него, на суде это доказать не удалось. Зато всплыло другое – что он еще и участвовал в группировке Анонимусов, которые атаковали корпоративные и правительственные сервера. Это было гораздо хуже, но Руди отмазал дядя, большая шишка в банке Сосьете Женераль. Так что он получил всего лишь 10 лет одиночки без права пользоваться средствами связи. Ему еще повезло – он избежал промывки мозгов. Тех, кого признали лидерами, поместили на пожизненную промывку электросудорожной терапией в лечебницу Граведан.

Все эти годы Том помнил о Руди. Нельзя сказать, чтобы это воспоминание было приятным. На первом курсе они даже дружили. Сидели за одной партой.

С годами разошлись. Антипатия Руди была вполне понятной – странно, если бы он относился иначе к человеку с профессией Тома. Но у Тома был личный повод недолюбливать Руди. Дело в том, что подружка, прежде чем навсегда исчезнуть из жизни Тома, ушла к Руди. Он сам познакомил их на университетской вечеринке. Надо признать, брюнет Руди в вельветовом пиджаке, с неизменной трубкой и в больших очках, добавлявших глубины его и без того большим и умным глазам, умел произвести впечатление на женщин. Но это была всего лишь внешность. Сразу было трудно распознать, что за респектабельным обликом таился ад. Неизвестно, распознала ли это подружка или на то было другая причина, но она довольно быстро оставила Руди. Переметнулась к другому их однокурснику, а потом упорхала дальше, выпав навсегда из поля зрения Тома. Впрочем, с Руди это его так и не примирило.

С тех пор Том всегда отслеживал информацию о Руди. Он оправдывал себя тем, что залезая в базу Агентства и просматривая профиль Руди, он делает это по долгу службы. На самом деле, он делал это из праздного любопытства и памяти об их ушедшей юности.

Лично они встретились лишь однажды – на какой-то годовщине по поводу выпуска из университета. Том знал, что после выхода на свободу Руди сменил имя. Теперь его звали Франсуа Девер. И он был директором книжного магазина на бульваре Бомарше. Что таилось под обложками этих книг? Том

всегда был уверен, что эта работа – лишь прикрытие, и Руди никогда не отходил от прежней жизни, чипов, плат и проводов. В этом были уверены и сотрудники парижского направления, но взять за жабры Руди так ни разу и не удалось.

Том встал со скамейки. Парень вернулся с мячом.

– В аэропорт, – сказал Том подъехавшему таксисту.

VIII

Том вышел из метро на площади Бастилия. Он решил пройтись одну станцию пешком по бульвару. Том любил Париж. И любил по нему гулять. Элегантные девушки в модной одежде стучали каблучками по мостовой. Призывно сверкали разноцветные витрины бутиков.

На первом этаже книжного магазина не было никого, кроме продавщицы. Со скучающим видом она сидела за кассой. Ни одного посетителя. Книжки нынче не в моде. Давно пора переходить на электронные носители. В том случае, если у тебя не электронный магазин. Франсуа отстал от жизни. Если он только действительно ими торгует.

– Где директор? – спросил Том.

– В подвале.

Том спустился в подвал. Книги, книги и книги. Пыльные полки со всех сторон. Книги на английском, японском, русском, польском, немецком. Двадцатилетней, тридцатилетней и сорокалетней давности. Здесь вправду больше походило на лавку старьевщика. Том вспомнил, как еще лет десять тому назад один его приятель выкинул на помойку домашнюю библиотеку. Книги, которые собирал еще его отец, и которые в детстве читала ему мать, когда он в лихорадке лежал на кровати с влажной тряпкой на лбу.

– Только место занимают, – пояснил приятель.

Все старые книги были уже отсканированы. С тех пор, как они превратились в файлы его лэптопа, они стали ему не нужны. Покупать книги было излишеством или чудачеством. Их покупали лишь те, кто любил вдохнуть запах бумаги и погладить переплет. В общем, оригиналы. Полюбоваться иллюстрацией и оценить гарнитуру шрифта вполне можно было и на экране монитора.

Офис директора скорее напоминал каморку. Он разместился между последним поворотом лестницы и стеной. Там, закопавшись в гору хлама, восседал Франсуа, он же Рудольф.

– Привет, – поздоровался Том.

– День добрый, – ответил Франсуа. – Что надо?

«Узнал меня», – подумал Том.

– Надо поговорить.

Он смотрел в глаза Франсуа, Рудольфа, Руди, Рудика. Тот

смотрел в глаза Тома. Прошла секунда, минута, десять лет, двадцать. Стоп-кадр. Первый курс. Они поняли друг друга.

– Тогда не здесь. Спустимся на другой уровень.

Франсуа взял ключи, они повернули за лестницу, и вышли в коридор. Он открыл дверь в проход к туалету. За ней была еще одна дверь. Франсуа нажал выключатель, и они спустились вниз.

Пахло сыростью. Том огляделся по сторонам. Старинная кладка. Крупный камень. Таких уже нет.

– Подвал замка тамплиеров, – пояснил Франсуа. – Когда-то он стоял на этом месте.

Он открыл еще одну дверь, и они зашли в комнату. Здесь все стены были завалены платами.

«Так я и знал», – подумал Том.

Франсуа смотрел на него и ждал.

– Я ушел из Агентства, – сказал Том.

Франсуа ждал.

– В моей башке сканер. По нему меня можно засечь. Но я не хочу от него избавляться.

– Тогда что же ты хочешь?

– Мне нужен антиопределитель.

Франсуа молчал. Он думал.

– Это сложно.

– Мне больше никто не сможет помочь. Только ты.

Франсуа снова задумался.

– Сколько у нас времени?

– Через два дня меня начнут искать.

– Хорошо. Это место не должно быть последним, где ты был. Они обязательно придут ко мне с вопросами. Ты выйдешь отсюда и поедешь на юг. Авиньон, Ним, Монпелье, Каркассон. Заедешь в Испанию. Потом вернешься в Париж. Только не сюда, а на тот берег Сены, в Иври. Мы встретимся там послезавтра вечером. На заброшенной китайской фабрике. Я проведу операцию. Потом ты поможешь мне прибраться. Так, что когда они придут за тобой, там будет пусто.

– Спасибо.

Том протянул руку. Франсуа пожал ее, глядя в сторону.

IX

Том брел по холму вверх, туда, где возвышалась казавшаяся неприступной средневековая крепость Каркассон. Он был здесь однажды в детстве, вместе с отцом. Тогда они ехали из Монпелье в сторону Испании, но потом отец передумал ехать дальше, и после Каркассона они повернули назад. Сейчас этот туристический городок не производил особого впечатления на Тома, то ли дело тогда. Контраст по сравнению с детскими

воспоминаниями был разителен. В тот раз Том впервые увидал настоящий средневековый город, целиком сохранившийся, с двумя рядами стен, ощерившимися грозными башнями. После возвращения он рассказывал одноклассникам, что побывал в крепости, которую за всю историю никому не удалось взять. Теперь он знал, что это неправда. Взять Каркассон не удалось лишь однажды, когда его правительница, Дама Каркас, накормила последнюю свинью последним мешком зерна и сбросила ее вниз. Осаждавший город Карл Великий решил, что в городе полно продовольствия, раз даже свиней кормят зерном, и приказал войскам отступить. Но после этого город неоднократно захватывали. В средние века здесь обосновались еретики-катары, которых Инквизиция безжалостно сжигала на кострах. В 13-м веке Каркассон брали дважды – во время крестового похода против катаров и после того, как побежденные каркассонцы подняли восстание.

Том шел по улице между старинных домиков. Люди живут здесь испокон веков. Помнят ли они, как воины Людовика Святого изгоняли из города обнаженных катаров? Катары подняли бунт против всесильной Церкви, эдакого Агентства тех времен. Истинной церковью они считали себя. Добрые мужчины и Добрые женщины – таково было их самоназвание. Катары не верили в земных Христа, Деву Марию и Иоанна Богослова. Они считали их лишь видимыми изображениями, статистами-голограммами. Выходит, думал Том, что статисты были уже тогда. В те времена их изобрела прежняя правительница – Церковь, а сейчас изобретает ее преемник Агентство.

X

Том открыл глаза. Франсуа отсоединял провода. Судя по его спокойному лицу, операция прошла гладко. Том встал с лежака. После тиопентала его чуть тошнило и пошатывало. Франсуа протянул ему бело-красную капсулу.

– Прими. Ее надо раскусить и проглотить без запивки.

Потом он достал опрыскиватель и обрызгал помещение. Запахло хлоркой с примесью сероводорода. Они свернули простыню и бросили ее в черный мешок для мусора. Туда же полетели инструменты. Франсуа открыл дверь. Перед выходом зачем-то отвернул лампочку, болтавшуюся на шнуре под потолком, и разбил ее об пол. Включил фонарик и дал его Тому. Осколки подмел и тоже скинул в мешок. Туда же полетели резиновые перчатки. Отдал мешок Тому. Сам сложил пополам лежак и взвалил его на плечо. Они спустились во двор по металлической лестнице. Фабрика представляла собой двухэтажное квадратное здание с внутренним двором. Горела

полная луна, освещая квадрат двора. Кое-где разбитые окна зияли чернотой глазниц. Сквозь стены прорастала трава. Они запихали мешок в багажник машины Франсуа, а лежак на заднее сиденье. Снова поднялись наверх и закрыли дверные жалюзи.

«Теперь все, – подумал Том. – Конец прежней жизни».

Он представлял много раз, как поймает убийцу и за шиворот приволочет его к шефу. Но где-то в глубине сознания понимал, что обратного пути не будет.

Машина петляла по пустым темным улицам. Тут и там высокие фабричные заборы с колючей проволокой, потухшие жерла труб, развалины омертвевших зданий.

Наконец, они уткнулись в тупик. Улица упиралась в необъятную свалку. Здесь они избавились от мешка с мусором и лежака и повернули обратно.

Выехали на берег реки. Впереди светился спуск в метро.

– Пока, – сказал Том.

Франсуа махнул ему рукой.

XI

В вагоне было полно народу. Том нашел себе местечко. Но многие стояли. Троица девушек в высоких разноцветных сапогах и коротких клетчатых юбках. О чем-то радостно щебечут. Группа школьников с суровой учительницей. Все время покрикивает на них. Несколько пенсионеров с газетами. Пара молодых людей с игровыми консолями и планшетами.

Том знал, что лишь немногие из них – настоящие. Большинство – статисты, лазерные голограммы, созданные для того, чтобы людям не было столь одиноко в почти пустом общественном пространстве. В метро, поездах и на торговых улицах. Многие никогда не задумывались, почему так часто встречают своих знакомых. В магазинах, кино и ресторанах. Как будто живут не в мегаполисах, а в деревне на пару тысяч человек. Все дело в статистах. Просто зачастую в этих городах никого и нет, кроме тебя и твоих знакомых. А остальные – статисты. Создание статистов помогло избежать паники и стресса после Великой войны, когда большинство человечества было истреблено. Ничего не может быть хуже одиночества и пустоты. А статисты наполняли пустое пространство. Помогали поддерживать привычную обстановку. Не везде, но в тех местах, которые посещали уцелевшие люди. Со статистами можно было потолкаться в очереди в «Луи Виттон» или «Шанель». Или в обычном продуктовом «Холл Фудс». Потолковать о том о сем в купе поезда дальнего следования.

Том снова вспомнил про коллективные эмоции у китайцев. Именно их чувство коллективизма и стало причиной глобальных

изменений. Целыми кланами и деревнями китайцы переселялись в США. Потом они пришли к власти. Не захватническим путем, а благодаря стандартной демократической процедуре. На очередных президентских выборах победил эмигрант в третьем поколении. После этого США объединились с Китаем. И начали войну против остального мира. Те, кто не желал подчиниться, были уничтожены. Так началось глобальное опустение. На первый план вышло подавление остаточных очагов сопротивления. Правительство отошло в сторону, а потом и вовсе отпало. Его функции перешли к Агентству национальной безопасности. Теперь оно стояло на первом уровне пирамиды. Социальная сеть Жэнь Жэнь поглотила Фейсбук, поисковая система Байду – Гугль, а сервис микроблогов Вейбо – Твиттер. Все вместе они слились в транскорпорцию Шизце Лун. Она подчинила себе сырьевые компании и ресурсы. Какое-то время она находилась на втором уровне после Агентства. А потом стала его интеллектуальным крылом, дочерней компанией, но по сути еще одним департаментом. Именно в недрах Шицзе Лун разрабатывались голограммы и новейшие программы. Типа того сканера, что стоял в мозгу у Тома.

Том лишь интуитивно мог отличить статиста от не-статиста. Но ему было на это наплевать. Его сканер не был настроен, чтобы определять статистов. Он мог лишь указать число календаря, когда чей-то естественный счетчик времени будет выведен из строя.

Том включил сканер. И тут же увидел его. Долговязого лысоватого человека с узким лицом, который дремал, облокотившись о перила сиденья. Умышленное убийство. Дата была сегодняшняя.

Том сразу же собрался. Его желваки заиграли, а мускулы напряглись. Он снова стал гончей, идущей по следу.

Когда объявили Шатле, лысый открыл глаза. Втянув голову в плечи, вышел из вагона. Том последовал за ним.

Пересели на Рер. Спальные районы Парижа сменились пригородами. Потянулись холмы и коттеджные поселки. Лысый вышел на Палезо. Том шел за ним. Пахло травой. Гулял ветерок. Под ногами скрипела галька.

Дорога ввела в гору. На втором повороте серпантина лысый достал ключи. Том притаился за углом. Лысый отворил калитку. Вход в дом был с верхней стороны улицы. Лужайка шла вниз под углом. Том перемахнул через забор. Нашел удобную площадку между сараем и пустой собачьей будкой. Отсюда с высоты хорошо просматривались дом и участок. Жалюзи большого окна во всю стену были полуоткрыты. Женщина на кровати читала

электронную книгу. Зажегся свет во втором окне сзади. Мужчина ополоснул руки в раковине на кухне. Открыл дверь холодильника. Извлек литровую банку апельсинового сока и хлебнул прямо из горла. Развернул сверток из фольги и достал оттуда куриную ножку. Обглодал ее и запил соком. Бросил кость в ведро. Снова сполоснул под краном руки. Вошел в комнату к жене. Поцеловал ее в щеку. Что-то рассказал, жестикулируя правой рукой. Разделся. Выключил свет.

Прошло минут двадцать. А потом раздался отчаянный крик жены. Включился свет. Женщина бегала вокруг кровати. Мужчина лежал неподвижно на правом боку.

Потом загудела сирена. Полиция или скорая помощь. Пора было уходить. Том снова

перемахнул через забор и пошел вниз тропинкой между домов.

XII

В следующие три дня убили еще двоих. Всех их Том отсканировал в метро. И каждый раз он был бессилен что либо предотвратить. Убийства, казалось, сгущались вокруг него. Его не покидало чувство тревоги. Он плохо спал по ночам. Закидывался ксанаксом, но даже это не помогало. Больше всего его смущало, что исчез временной зазор. Людей убивали в тот же день, когда он их вычислял.

Том зашел в торговый молл. Поднялся на третий этаж в кинотеатр. Включил сканер. Все чисто. Показывали фильм про роботов-мутантов. Они совокуплялись друг с другом с помощью длинных металлических шипов. Потом у них произошел какой-то сбой в программе. Они переключились на людей и стали протыкать их шипами насквозь.

В зал вошел человек. Согнувшись, пробрался к пустому месту через ряд от Тома. Сел напротив него. Сканер высветил дату. Так и есть, сегодняшняя.

Кровь, которая вытекала из людей, слизывали бродячие кошки. Постепенно они разрастались в размерах и стали похожи на саблезубых тигров. Людей в итоге не осталось. Началась война между роботами и котами.

Человек снова пополз к выходу. Том пополз за ним. Человек вышел из зала. Оказался коренастым бугаем лет тридцати. Отправился в туалет. Тому ничего не оставалось, как последовать за ним. Крепыш расположился у писсуара. Том подвалил к соседнему. Расстегнул ширинку, сделал вид, что мочится. Не удержался и посмотрел в сторону крепыша.

– Так и знал, – сказал тот. – Педрила, что пялишься?

Том быстро отвернулся.

Крепыш пошел в его сторону.

– Я тебе сейчас кости переломаю!

Том умоляюще вытянул в его сторону руки.

– Нет, что вы, я больше не буду! Простите, пожалуйста!

Попятился от него назад.

Крепыш сплюнул на пол и вышел из туалета. Том выждал с секунду и осторожно вышел за ним.

Вернулись в зал.

В войне коты одолели роботов. Вместе с людской кровью коты приобрели не только размер, но и ум. Они ухитрились взорвать планету, а сами переселились на другую. Потом им стало скучно, и они решили обзавестись домашними животными. Их кровь каким-то чудесным образом перемешалась с кровью людей. Они сумели отделить человеческое ДНК и клонировали ребенка. Так снова возродился человеческий вид. Хэппи-энд. Конец фильма.

Люди побрели из зала. Том старался не терять из виду крепыша. Тот спустился на этаж ниже и зашел в бар. Сразу же взял двойной виски. Том сел за дальний столик. Заказал себе чаю. Крепыш смотрел футбол. Шел чемпионат, кажется, Евразии. Том не был уверен. В детстве он любил футбол и даже сам играл в него с ребятами после уроков. Старался не пропускать мировые чемпионаты. Смотрел их с отцом. Но с тех пор, как устроился на работу, потерял интерес к спорту. Ему было не до того.

Крепыш познакомился с двумя парнями в одинаковых майках с цветами Бутана. В последнее время там располагалась новая Силиконовая долина. А также корпорация Шицзэку, производящая лучшие в мире кондиционеры. И еще компания Фоул по производству самых прочных зонтиков. Туда переселились самые сильные в мире умы, хайтэк-менеджеры, инвестиционные брокеры и трейдеры. Крепыш о чем-то оживленно болтал с парнями. Заказал себе еще пиво и чипсы. Потом команда в синем забила гол команде в красном. Крепыш и парни громко кричали и аплодировали. Хлопали друг друга по плечу и чокались пивом. Крепыш взял еще двойной виски. Том скучал за своим вторым чаем. Матч, наконец, закончился. Крепыш долго обнимался с парнями. Потом жал руку бармену в фиолетовых очках и футболке с меняющимися картинками.

Выйдя из бара, спустился еще на один этаж. Заскочил в бордель со статистами. В последнее время все предпочитали секс со статистами обычному. Ощущения почти те же, зато не подцепишь какую-нибудь заразу. Том замялся у входа. Из-за бордовой портьеры высунулась мамка.

– Девочку?

– Нет, спасибо. Я просто жду. Друга.

Том отошел в сторону к игровым автоматам. Он весь похолодел. Что если крепыша там «того»? Войти он не мог. Хватило уже встряски в туалете. Крепыш все не выходил. Десять минут, двадцать, тридцать. Что он там так долго делает? Том переминался с ноги на ногу, чтобы унять напряжение. Поминутно смотрел на часы.

Наконец появился довольный крепыш. Выкатился из молла. И тут же плюхнулся за руль в машину.

«Ничего себе, – подумал Том, – после столько выпитого. Эдак он и сам себя укандохает, безо всякого киллера». Хотел было улыбнуться собственной шутке, но не мог.

Поймал такси.

– За черной «Чери». Помчали.

Моросил дождь. Работали дворники.

На светофоре «Чери» оторвалась и свернула за угол.

– Давай за ней.

– Нарушать не буду, – ответил водитель.

Таймер светофора щелкал невообразимо долго. Том ерзал по заднему сидению, бессмысленно пялясь вдаль. Наконец, зеленый. Они завернули.

Машина крепыша одиноко стояла посреди дороги. По ней стекали струи дождя. Том обреченно вышел из такси. Открыл водительскую дверь «Чери». Крепыш вывалился в лужу у колеса, забрызгав грязью бежевые войлочные брюки Тома. Стандартная дырка зияла над его ухом.

Часть 2

I

Том потянулся на кровати. Гостиничный номер дешевого хостела на Старокаширском шоссе. Странное дело, по службе Том повидал полсвета, но никогда его не посылали в Москву. Он не был здесь с самого детства. И только когда его захватило отчаяние, ему захотелось вернуться. Логически он не мог это обосновать, это было чисто интуитивное желание – как бы начать все сначала. Вернуться в точку отсчета. И он вернулся.

Том вышел в коридор. Из лифта появились соседи – пара американских пенсионеров. Том поздоровался с ними и спустился на улицу. Тяжелое серое небо. Второй день, пока он здесь, дождь лил, не переставая. Том открыл зонтик. Не успел даже протянуть руку, как из второго ряда вынырнуло такси и прижалось к тротуару.

– В центр.

Том помнил однажды полученную родителями от кого-то из Москвы открытку с храмом Христа Спасителя. Блеск его золотых

куполов. Но то была лишь открытка. В реальности зеленая патина меди светилась тускло.

Том шел по бульвару, ничего здесь не узнавая. Вокруг незнакомые дома, вроде бы похожи на старые, но не совсем. Как будто реплики прежних, но массивнее и грубее. Сам бульвар уставлен незнакомыми памятниками. Они пугали своей чрезмерной реалистичностью и оттого казались уродливыми.

Впервые за многие годы Том был свободен. Он был хозяином своего времени. И мог потратить его на что угодно. Но он не знал на что.

Ему захотелось напиться. Знакомые Тома делились на две категории. Одни после работы проводили свободное время в барах. Другие в тренажерных залах и спа-салонах. Служба в Агентстве не позволяла ни того, ни другого.

Прямо у проезжей части Том разглядел кафе со странным названием «Пьер-Жиль». Под навесом сплошной длинный диван, на котором в тесноте, почти прижавшись плечами друг к другу, сидели люди.

«Настоящие или статисты?» – промелькнуло в голове у Тома.

Напротив дивана – столики. Вокруг них стулья с еще посетителями.

Тому захотелось раствориться в чужом оживленном веселье. Он нашел свободное местечко на диване. Протиснулся за столик, расталкивая плечами соседей.

Заказал графин домашнего красного вина.

– Ноль пять или литр? – спросила официантка.

– Литровый.

Том сам наполнил бокал. Откинулся на спинку дивана. Дождь почти стих. По узкой мостовой мимо проходили люди. Мужчина и женщина за соседним столиком расплатились и отодвинули стулья. Их окликнул шедший навстречу человек в очках, с длинной копной волос и цветастой футболке.

– Вы чего, уже уходите? – спросил человек. – А то может по малой за свидание?

– Мы не пьем, – сказал мужчина. – Только чай. Видишь, мы на машине, – он показал рукой на восьмидверный черный джип, припаркованный на тротуаре.

– Нам рано вставать, – сказала женщина. – Завтра с утра плитку привезут. Кофейного цвета, из Бангладеш. У нас в новой квартире ремонт. А днем мы улетаем на острова.

За другим столиком парень с залысинами жаловался брюнетке с влажными глазами, что с ним перестал общаться старый друг.

– Это потому что с тобой дружить не престижно, – сказала

брюнетка.

Постепенно тревога стала отходить на второй план. Том хотел улыбаться и разговаривать. Он посмотрел направо. Рядом сидела девушка в сиреневом сарафане и тоже пила вино. Пышная копна коротко стриженных каштановых волос. Верхняя пуговица сарафана застегнута, следующие две – нет. Четвертая опять застегнута. Том скользнул взглядом в глубокий вырез, потом ниже – на загорелые голые ноги. Девушка поймала его взгляд. Том улыбнулся.

– Вас как зовут?

– Полина. Можно Полли.

– Вы из Москвы? У вас странный выговор.

– Ну, я родилась в Москве. Потом долго жила в Монреале. А сейчас приехала. А вы?

– Я тоже. Тоже родился в Москве, потом жил в Париже, много путешествовал, а сейчас приехал.

Они оба улыбнулись. Том протянул бокал.

– Давайте чокнемся! Полина…

– Полли.

– Полли, если не секрет, а вы кем работаете?

– В Москве я в поисках работы. А вообще-то я – оперная певица. Могу взять четыре октавы.

– Да вы что! А я – директор театра.

Оба смеялись. Том заказал еще графин вина. Он рассказывал ей о детстве. О том, как однажды бежал из детского сада, подбив на побег девочку-ровесницу. Он был вооружен деревянным автоматом и обещал защищать ее. Он обещал ей приключения и новые страны. Он обещал море, острова, корабли, рыцарей, пиратов, индейцев, троллей, эльфов, гномов и хоббитов. Все, что может обещать шестилетий мальчик. И они бежали, взявшись за руки. Но он не знал дороги в эти страны и сбился с пути. Они блуждали по заснеженным московским дворам. Дворы и дома были одинаковы. Когда наступили сумерки, они сели на ступеньки одного из подъездов и заплакали, прижавшись друг к другу. Один из жильцов дома выгуливал во дворе собаку. Он увидел детей и отвел их в милицию. К тому времени их родители уже обзвонили все ближайшие отделения. Вскоре за ними приехали его отец и мать девочки. Том не боялся гнева отца. Он был смущен, что не выполнил свое обещание. Отец схватил Тома за руку и потянул его в одну сторону, а мать девочки потянула ее в другую. Но перед тем, как их разлучили, Том успел шепнуть подружке, что в следующий раз обязательно найдет дорогу в волшебные страны. Но следующего побега не последовало. До этого Том не боялся гнева отца, потому что просто не

представлял, сколь страшен может быть этот гнев. В тот день отец выпорол его ремнем, первый и последний раз в жизни. Но этого раза хватило навсегда.

Полина положила руку на внутреннюю сторону его брюк. Между коленом и пахом, но ближе к паху. Том почувствовал накатившее возбуждение. Он наклонился к ней и поцеловал ее в щеку. Она повернула к нему губы. Они долго целовались.

Потом Том взял ее за руку и встал с дивана. Она пошла за ним.

Они целовались в машине и лифте. Едва лишь захлопнув дверь номера, Том стал торопливо раздевать ее. Он целовал ее коричневые соски, потом спустился губами вниз. Она кричала так громко, что Том закрывал ей рот рукой. Она вырывалась и кричала еще громче. Тогда Том прикрыл ей рот своими губами и языком и вошел в нее.

Когда он проснулся утром, она была рядом. Спала, прижавшись спиной к его животу. Том погладил ее плечо. Полина открыла глаза. Спросила, не поворачиваясь:

– Можно я не уйду? Побуду с тобой?

Том не помнил, что это значит – остаться с кем-то. Он привык к одиночеству. Наверное, поэтому он ответил:

– Конечно. Я только рад.

II

Нельзя было долго находиться на одном месте. Пора было сменить обстановку. Только так, постоянно передвигаясь с места на место, можно было обеспечить себе безопасность. Опередить тех, кто мог идти за ним. Том посмотрел на Полли. Она сидела на полу на коврике и медитировала, тихо читая мантру.

– Что ты видишь? – спросил Том.

– Я вижу сердце Будды Безграничного света. Внутри его Чистая страна высшего блаженства.

Полли открыла глаза.

– Извини, что прервал. В моем арсенале нет такой экзотики. Из того, что могу предложить – Меконг. Не хочешь посмотреть на него?

– Меконг, в котором плещутся пресноводные дельфины?

Том кивнул. Голограммы дельфинов в Меконге и, правда, водились. Он залез в лэптоп. Ближайший рейс в Сайгон через два часа. На секунду задумался, на какое из сотен своих Айди заказать билеты. Нет, лучше сгенерировать новое. Так будет безопаснее. Том запустил генератор Айди. Как агент третьего уровня, он имел право на подобную программу. Встроенный принтер выдал новенькую пластиковую карточку. «Господин Тамиягу Хооси».

Утром следующего дня они сидели на берегу свинцовой реки и любовались неоновой рекламой напротив. Мимо шныряли девушки-гиды на мотобайках. Том вспомнил, как в прошлый его приезд сюда, лет десять назад, к нему подкатила одна из таких девушек и всего за пару юаней предложила показать город. Она завезла его в трущобный квартал без единого фонаря и высадила. Ночные бабочки окружили его толпой.

Они трогали его за живот и говорили:

– Хэппи Будда.

Том вырвался от них и пошел прочь, ускоряя шаг. По стенам и крышам домов шныряли крысы. Впереди возвышалась целая помойка из крыс. Она шевелилась, подпрыгивала и пищала. У подъездов домов стояли другие бабочки, которые хватали его за руки. Том свернул в проулок. Там снова стояли бабочки. Одна из них лопнула ему в лицо пузырь из жвачки. Том шел все быстрее и быстрее, потом побежал.

– Я бы не прочь перекусить, – сказала Полли.

– Пойдем в ресторан «Бо Тан Сео», – предложил Том.

– И что там дают?

– Там дают «Бо Тан Сео».

– Что это такое «Бо Тан Сео»?

– «Бо Тан Сео» значит «резать кусочек за кусочком». Отсылка к древней пытке.

– Звучит очень аппетитно.

– На самом деле вкусно. Это тонкие кусочки нежной маринованной говядины. Тебе приносят решетку с углями, и жаришь сам.

– Ты же не ешь мяса?

– Я не ел его раньше. До встречи с тобой. Раньше я и вина не пил.

Полли улыбнулась.

– Тогда окей. Только зайдем в номер переодеться.

Полли вырядилась в легкий серебристый комбинезон и подпоясалась длинным серебряным поясом. Том оценивающе посмотрел и подмигнул ей. Сам он был в легких парусиновых брюках и футболке с надписью «Иди не вперед, а назад». Он нагнулся к кровати, чтобы уточнить маршрут на компьютерной карте. И в этот момент раздался удар. И открылась дверь. На пороге появился ярко-крашеный парень в темных очках и с автоматической двустволкой «Чжа дань» в руках. Он выстрелил Тому в голову. Но Том угадал его движение за секунду до того, как тот нажал на курок. Том скользнул на пол, подсекая стрелка ногами. Тот опрокинулся на пол, выпустив ружье из рук. Пули пробили потолок. Том молниеносно перевернулся и прыгнул на

него сверху. Он ударил его локтями в лицо, зажимая в ладони ружье. Откинулся назад, развернул ружье и спустил курок. Тело парня отбросило к стене.

– Что происходит, что это? – кричала Полли.

– Быстрее, собирайся, потом объясню.

В этот момент пуля разбила окно и, просвистев у Тома над ухом, влетела в шкаф.

– Бежим!

Том закинул на плечо сумку с лэптопом, достал из рюкзака пистолет и засунул за пояс.

– Бросай чемодан, не до него!

Он схватил Полли за руку, и они выскочили в коридор.

Тут же Том увидел двух парней с одной стороны коридора, и еще одного с другой.

Разряжая ружье в парней слева, Том выпустил руку Полли, выхватил пистолет и, не глядя назад, уложил парня справа. Бросил ружье на пол, снова схватил Полли за руку, и они выбежали на улицу.

У дверей дежурило несколько машин такси. Том выкинул шофера из салона, и они понеслись вперед. Несколько пуль из окна дома напротив пробили крышу. На ближайшем повороте их настиг старый джип Грейт Волл. Джип выпустил шипы, и они протаранили зад такси. Но Том успел газануть, превысив скорость Грейт Волла, и соскочил с его наконечников. Джип попробовал второй раз протаранить багажник, но Том резко вывернул руль вправо и ушел на отворот улицы. Полли ударилась головой о его плечо. Джип пронесся вперед.

Они вылетели на хайвэй. Какое-то время Тому казалось, что они оторвались от погони. Но это продолжалось недолго. Сзади раздался странный скрежет. Что-то среднее между цоканьем копыт и шипеньем гусениц танка. Том посмотрел в зеркало заднего вида. Их нагоняла «лягушка». Новейшее изобретение – легкая металлорезиновая машина на лапках. Изобретена была для езды по пробкам. Впрочем, никаких пробок давно уже не было. «Лягушка» отталкивалась от асфальта, пролетала несколько десятков метров и отталкивалась снова. Первый раз она промахнулась и приземлилась на кузов грузовика. Но его массивная крыша от этого не пострадала. «Лягушка» прыгнула еще раз и приблизилась к машине Тома и Полли. Том представил, как она пробивает крышу и вдавливает их в асфальт. «Лягушка» подпрыгнула. Том резко нажал задний ход. «Лягушка» вонзилась своими лапами в идущий впереди серебристо-синий Чероки. Том слетел с хайвэя в проезд между домами, завернул в узкий переулок, еще раз завернул, еще.

– Бежим!

Они бросили машину, пробежали два переулка и выскочили на перекресток. Народ на остановке грузился в автобусы.

– В первый, – сказал Том.

Автобус довез их до дельты Меконга. Там Том купил билеты на «Ракету».

– Плывем в Пномпень. Поговорим по пути, – глядя в глаза Полли, сказал он.

III

Они сняли тридцатиюаневый номер с вентилятором вместо кондиционера, под самой крышей пятиэтажного дома. Кровать, тумбочка, тесная душевая кабинка. Обшарпанные стены, желтое пятно на простыне. В таких номерах легко затеряться. Их был целый квартал вокруг. Снизу из общей кухни тянулся острый запах вонючего тофу.

– Схожу на рынок, что-нибудь прикуплю, – сказал Том. – Вернусь через полчасика. Будь начеку.

Рынок оказался за углом. Том ходил меж рядов с живыми курицами и утками, рубленным мясом, свежими, мороженными, солеными и вяленными рыбами, крабами, раками, улитками, мидиями, креветками, зеленью, имбирем и чесноком. Ошметки и очистки летели прямо на пол. Туда же лилась и использованная вода. Временами в лицо шибал запах протухшей рыбы и сгнивших овощей. И тогда Том зажимал нос. Он купил по паре баклажанов и кабачков, две кукурузины, цзин помидоров. Вышел на воздух.

«Кто идет за мной? – думал Том. – Люди Агентства или убийцы мистера Моретти? Но на методы Агентства это не похоже. Зачем им меня убивать? Они бы должны меня сцапать живьем, чтобы выпотрошить всю подноготную. А если это убийцы Моретти, то зачем им расправляться со мной? Все равно, я же ничего не узнал. Ни до чего не докопался. Я им не помеха».

Том подошел к дому. Поднялся по лестнице. Посмотрел на часы. Прошло всего пятнадцать минут. За дверью раздавался голос Полли.

– Да, мы здесь, – сказала она. – Он скоро придет.

Том подождал с минуту. Потом открыл дверь. Полли включала в розетку фен. Телефон лежал на кровати.

– Кто ты? – спросил он. – Ты работаешь на Агентство?

Полли опустила глаза.

– Том, ты все не так понял. Я стараюсь тебе помочь.

– Помочь? И как же это?

В этот момент на них обрушился потолок. Они отпрянули в разные стороны. Лапа «лягушки» просунулась в комнату. Хруст. В

дыру просунулась вторая лапа. Полетели куски штукатурки, и, кромсая остатки потолка, открылась дверь «лягушачьего» днища. Из нее вынырнули трое в армейском камуфляже и с автоматами в руках. Они не успели прицелиться, как Полли сдернула с себя серебряный пояс и раскрутила над головой. Пояс оказался раздвижным – из него вылетали все новые колена, а на конце оказался острый набалдашник. Первые двое еще не достигли пола, как Полли размозжила им головы. Третьего пристрелил Том. Падая, он лихорадочно стрелял, и одна из пуль пробила Тому левое плечо.

Они выбежали на улицу. С крыши здания на Полли слетела сетка, защелкнулась, и стальной трос потащил ее вверх. Том прицелился и выстрелил. Первый раз, второй. С третьей пули он перебила трос, и Полли приземлилась на асфальт. На крыше мелькнуло лицо. Том узнал Громилу Шмеля. Том стрелял вверх наугад, просто чтобы прикрыть Полли.

Она откинула канализационную решетку и сиганула в темноту. Оттуда доносилось журчание воды. Том спрыгнул за ней. Брызги залили ему глаза. Том вытер лицо рукой. Рядом с ним никого не было.

– Куда мы? – крикнул он.

– В резервацию, – донесся из темноты ее голос.

IV

Лет сорок назад Юго-Восточная Азия стала мировым центром по продаже К-1, в просторечии кетамина. Его употребляли в барах, ресторанах и клубах. Вперемешку с экстази он был незаменим на дискотеках. От экстази просто хотелось двигаться. При добавлении кетамина хотелось летать. Ты плыл в воздухе из одной хрустальной залы в другую. Залы сверкали тысячами цветов. Каждая следующая была ярче предыдущей. Тебя манил яркий свет в конце хрустального коридора. Ты мечтал к нему приблизиться. И нюхал еще. Полеты увлекли молодежь. Зависимость была простой. Чем больше ты нюхал, тем больше тебе открывалось новых зал. В клубах устраивались соревнования, кто больше вынюхает. Одна девчушка вынюхала на спор двухметровую дорожку. И упала замертво при выходе из клуба. Тогда азиатские правительства обратили внимание на К-1. Его запретили употреблять гражданам их государств. Но оставили как средство привлечения туристов. Так появились первые резервации для европейцев. В резервациях водилось, что угодно – К-1, яба, героин и обычная дурь. Потом, когда к власти пришло Агентство, оно смекнуло, что в резервациях есть смысл. Куда лучше, чтобы асоциальные элементы и потенциальные революционеры потихоньку подыхали там сами собой, чем вносили сумятицу в мировой порядок. Мешали благополучию здоровых и успешных граждан, одним своим потрепанным и болезненным видом отравляя их спокойное существование. Попадались им на пути в супермаркеты и торговые моллы, когда те, держа за руки розовощеких крепышей, покупают рождественскую индейку или выбирают новенький телевизор, посудомоечную или стиральную машину. Еще несколько лет назад компании соревновались в выпуске все более новых моделей товаров. Купил, скажем, ты планшет или телефон, а тут уже на подходе новый, с куда более удобным и приятным дизайном, интерфейсом и большим объемом памяти. Вот и бежишь покупать модель следующего поколения. Чтобы подстегнуть продажи, компании стали сокращать срок годности своих товаров. Отдельные из них ломались или выходили из строя уже через пару-тройку месяцев. Компании стали соревноваться и в этом. Срок годности сокращался до месяца, недель, а то и до двух-трех дней. Тогда Агентству пришлось взяться за регламентацию товаров. С тех пор для разных из них были установлены определенные сроки годности – для одних месяц, для других два, но в любом случае не превышающие одного года. Это устроило и компании и потребителей. Впрочем, вся эта регламентация не касалась товаров, предназначенных для

сотрудников Агентства. Каждый их них мог заказать личный телефон или лэптоп, выпускаемые специальным подразделением Агентства. Заказывая, ты выбирал удобный для тебя срок годности – год, два, или больше. Правда, и здесь существовали отличия для сотрудников разного уровня. Срок годности товаров для сотрудника уровня Тома доходил до пяти лет. Люди Агентства были элитой общества. Самой элитарной из элит. А обычные обыватели продолжали простаивать в очередях за новинками в дни получек и праздников. Конечно, они были бы не рады столкнуться в дверях на выходе из молла с каким-нибудь оборванцем с гниющей кожей. Выходишь, счастливый, обняв коробку с электроникой, а тут такое унылое зрелище. Улыбка враз сползет с лица. А так все просто и удобно – наркоманов с глаз долой, на обочину цивилизации, подальше от основных магистралей. Агентство легко разрешало выезд в резервации потребителям наркотиков, но запрещало им въезд обратно.

Том разодрал футболку и перевязал плечо. Часа два Том и Полли брели по канализационным коллекторам, по пояс в нечистотах и зловонной воде. Постепенно Том понял, что они идут по руслу подземной реки. Еще по уверенному виду Полли он понял, что она знает путь. Наконец, они уперлись в стену с огромным люком. За люком был слышен сильный шум воды.

– Пришли, – сказала Полли. – Здесь река впадает в озеро. Но еще не время.

– Что не время? – спросил Том.

– Потом узнаешь. Я тоже тебе не все рассказала о себе. Сначала дождемся проверки.

– А где мы ее будем дожидаться? Здесь в трубе?

– Нет, мы пройдем ее в резервации. Но здесь посидеть тоже придется. Мы выйдем наверх только, когда стемнеет.

К люку в крыше коллектора вела узкая металлическая лестница. Полли поднялась на несколько ступенек и уселась на одну из них. Том сел чуть ниже. Ныло плечо.

– Ты была здесь раньше? – спросил Том.

Полли не отвечала.

– А мне казалось, что ты в Пномпене первый раз.

Голос его звучал чуть обиженно.

– Вы, мужчины, очень самодовольны, – сказала Полли. – Все это время ты думал, что это ты ведешь меня. А ведь это я внушила тебе идею поехать в Сайгон. А потом, когда на нас началась охота, это я внушением заставила тебя бежать в Пномпень. Но ты все это время был так поглощен собой, что ничего этого не заметил.

Том молчал. Что он мог возразить? По сути, она права. Он

ничего не знает о ней. Но что он знает о себе?

Ночью она открыла крышку люка, и они вышли наружу.

V

Резервация располагалась на берегу озера. С трех остальных сторон ее окружала стена с колючей проволокой и пропускным пунктом, который они, по счастью, миновали.

Том с Полли поселились в маленьком бамбуковом бунгало, таком же, как и у всех. Сквозь расщелины в досках пола проглядывала вода. Ночью Том быстро засыпал под ее легкий плеск. Ветерок гнал мелкие волны, и вода мерно билась о пол. Здесь все было медленно и спокойно. По утрам Том откидывал накомарник и просовывал ноги в шлепанцы. Полли уже медитировала на полу.

– Зачем ты уходишь в свою Чистую страну? – спросил он как-то.

– Ты боишься смерти?

Впервые за долгие годы Том задумался об этом. Боялся ли он смерти? В его голове был чип с программой, которая предвидела чужие смерти. Но что он знал об этом? Как работает этот механизм? Что такое смерть? Может быть, это обычный генетический код. Все предусмотрено и запрограммировано, и вот его сканер высчитывает предполагаемые сбивки. Но какой будет его собственная смерть?

– Пожалуй, да, – ответил Том. – Боюсь.

– Это как подготовка, – сказала Полли. – Чем больше я практикую, тем меньше страха. Ведь когда придется уходить насовсем, я окажусь в Чистой стране.

Том открывал занавеску в гостиную. Это была общая гостиная на несколько бунгало. Пара соседей находились в ней постоянно. Один в почти истлевшем камуфляже, старик с высохшей кожей, обтягивавшей узкий череп и костяшки пальцев, в которых был зажат неизменный косяк. Он напоминал застрявшего здесь ветерана вьетнамской войны столетней давности, да верно и был им – откопал какое-нибудь местное снадобье и удлинял себе потихоньку жизнь. Другой, молодой длинноволосый парень в шортах, методично скручивал косяки и складывал их в мельхиоровую шкатулку. Так и сидел здесь день за днем и скручивал.

Время стояло на месте, пол, казалось, качался на волнах, а кровать в накомарнике напоминала гамак. Однажды Полли сказала:

– Все в порядке. Твой анти-определитель работает. Не знаю, как уж там тебя вычисляли, но, стало быть, с ним это не связано.

– Откуда ты знаешь?

– Тебя проверили. Сигнала нет. Так что сегодня мы можем идти. Нас уже ждут.

Ночью Полли приволокла откуда-то два акваланга и гидрокостюмы. Они переоделись в комнате, осторожно выползли на причал и, стараясь не шуметь, медленно погрузились в воду.

Вниз шел откос, озеро оказалось довольно глубоким, по прикидкам Тома около шести метров. Они плыли вдоль дна, заваленного корягами и поросшего илом. У одного здоровенного бревна Полли остановилась и показала Тому жестом, что его нужно подвинуть. Они откатили бревно, и под ним обнаружился люк. Том помог Полли откинуть крышку. Внизу был вертикальный туннель метров пять длиной. Вода хлынула внутрь, быстро заполняя отсек. Полли показала Тому, чтобы он лез вниз. Том пополз первым. Полли спустилась за ним и задвинула крышку. Она открыла дверцу в стене и извлекла из ниши два насоса. Протянула один Тому. Они принялись откачивать воду. В левой руке постреливало, Том старался качать одной правой и быстро устал. Работать в тесном костюме было невыносимо трудно, Том взмок от пота. Полли время от времени останавливалась передохнуть и посматривала на часы. Наконец, последняя лужица издала прощальный бульк и исчезла в шланге.

Они подняли за ручки крышку еще одного люка под ногами. Оказались в следующем туннеле, уже не таком длинном и свободном от воды. Прошли сквозь него. И спрыгнули на траву.

VI

Небо здесь напоминало потолок мадридского аэропорта, только на этот раз свет, пробивающийся сквозь натянутую ткань, и в самом деле был искусственным. Ткань была раскрашена в небесный цвет с полупрозрачными облачками, столь натуралистично, что временами Том думал – над ним, и правда, небо. Этому небу не хватало одного – глубины. Глиняные дома длинной вереницей тянулись по долине, зажатой меж невысоких пологих холмов. На второй день Полли велела идти Тому на психотренинг.

– Очередная ступень твоей подготовки, – сказала она.

К чему-то, о чем он не знал. И знать не хотел. С тех пор, как он понял, что незнание окружает его, и потерял цель, он решил просто делать то, что говорит ему Полли. По крайней мере, у нее явно цель была. Том верил в то, что видел – цель Полли не представляла опасности, но могла оказаться защитой. А защита была ему необходима.

На ровной площадке на вершине одного из холмов собрались шестнадцать человек. Как понял Том – все новички. Невысокий терапевт в очках тут же раздал всем клички. Сосед Тома с нервно

бегающими глазами, находившийся явно в пограничном состоянии сознания, получил кличку Пограничник. Здоровенный двухметровый детина с кулаками-кувалдами и раздутыми мышцами был назван Шашлычком. Сам Том почему-то получил прозвище Турист. Потом терапевт спросил, у кого какие есть страхи.

Том выпалил первое, что пришло ему в голову:

– Я боюсь смерти.

Шесть человек признались, что боятся получить по лицу.

– Тогда деритесь, – сказал терапевт.

Они помялись с минуту, а потом ринулись с кулаками друг на друга. Тома особенно поразило то, что по лицу опасались получить самые крепкие из собравшихся. Один из них был мастером карате, другой – джиу-джитсу, еще один – боксером. Получается, они всю жизнь занимались боевыми искусствами, боясь повредить лицо. Сейчас они отчаянно месили друг друга. Одному из дравшихся выбили передние зубы. Другому сломали ногу. Победил Пограничник, который с бешеными глазами летал туда-сюда. Он нанес сокрушительный апперкот в челюсть Шашлычку, добив его ловким ударом правой в солнечное сплетение. Потом он рассказал, что никогда ничем не занимался, а в прежней жизни был обычным фермером.

– Хорошо, – похвалил терапевт.

Тренинг продолжался три дня. На второй день Тома похоронили. Его положили в свежевырытую яму и засыпали землей на пару минут. Пока он лежал, задыхаясь, с комьями земли на зубах, остальные пропели над ним поминальную молитву.

Потом они играли в «правду или действие». Тянули фант по очереди, и вытащивший его становился ведущим. Ведущий спрашивал у игроков:

– Правда или действие?

Тот, кто выбирал правду, на любой вопрос должен был говорить только правду.

Тот, кто выбирал действие, должен был делать первое, что ему придет в голову.

Многие боялись правды и выбирали действие. Потом бегали взад-вперед, кривлялись, ругались, чесались, а одна женщина неожиданно разделась.

На третий день терапевт раздал всем по какой-то пилюле. И их прорвало. Они говорили хором, без умолку, и не могли выговориться. Потом терапевт навел порядок, и они начали по кругу рассказывать свои истории. Они рассказывали про школьные драки, детские обиды, болезни, разводы, аборты и

измены. Том выучил наизусть всю подноготную остальных пятнадцати. Некоторые из них были семейными парами. Жена случайно исчезала среди холмов, и тогда муж рассказывал все про жену. Потом вдруг появлялась жена, исчезал муж, и слушатели узнавали все подробности про него. Пограничник рассказал, что работал дома, а его жена служила в компании. Она приходила обычно домой около одиннадцати часов вечера. А потом начала задерживаться. Стала появляться в двенадцать, в час. А однажды не пришла и в два ночи. Он, как обычно, приготовил ей ужин. Зажарил индейку, потушил баклажаны, сварил рис. Сидел и ждал ее с остывшим ужином на столе. Потом подумал – вдруг что случилось. Маньяк мог напасть на нее по пути из метро. Он выбежал на улицу. Он слышал стук своего сердца. Он бегал вокруг дома до четырех утра, ища тело своей жены. Раздвигал кусты, изучил все тропинки. Потом упал на асфальтовую площадку перед подъездом и беззвучно плакал. А затем он подумал, что, может быть, она так задержалась на работе, что просто не успела на метро. И едет на такси. Он выбежал на дорогу. Радовался свету фар редко появлявшихся автомобилей. Грустно смотрел им вслед, когда они удалялись, проехав мимо. Под утро, обессилевший, вернулся домой. Рухнул ничком на кровать. В двери раздался звук ключа. Как ни в чем не бывало, появилась жена. Веселая, от нее чуть пахло перегаром. Пояснила, что на работе был какой-то юбилей. Корпоративная вечеринка. Она так закрутилась, что забыла его заранее предупредить. Ее подвез коллега по работе. А еще он учил ее водить машину. И они сделали пару кругов вокруг дома. В общем, отлично провела время. Пограничник был счастлив. Его жена жива, все обошлось. Для проформы он подулся немного, но в душе сразу же простил ее. А через неделю жена ушла от него.

Том неожиданно вспомнил, как умирала его мать. Это случилось, когда ему было двенадцать лет. Прежде тот год и следующий были как бы стерты из его головы. А тут все вдруг ярко вспомнилось. Как она ослабла и почти не могла ходить. И он рассказывал ей новости – что творится в мире. Однажды она сказала:

– Тебя стало двое. Один здесь, а другой там – в ванной.

Потом заговорила вдруг на неизвестном языке. Нельзя было разобрать ни слова.

И Том по-настоящему испугался.

Он водил ее в туалет. Подхватывал под мышки и помогал подняться с кровати. Придерживал за спину, чтобы она не упала. Медленно шли, шаг за шагом. Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка. Она переводила дыхание. Вот уже впереди коридор.

Пять шагов. Дверь туалета.

Потом Том поднимал ее с сиденья унитаза. Вел в ванную. Сажал на край ванны. Намыливал губку и тер ей ягодицы, не глядя, отвернувшись в сторону. Стискивал зубы, стараясь не разреветься. Потом снова поднимал, чуть обнимая. Они стояли и отдыхали. Она держала его за плечи, уткнувшись лицом в его ключицу. Он обхватывал ее руками вокруг спины. Она была такая худая.

Впервые в жизни Том рассказывал об этом, и остальные пятнадцать молча слушали. Он был последним в очереди, и после его рассказа все засуетились, начали собираться и разошлись по домам.

VII

Когда Том вернулся с тренинга, Полли сказала:

– Теперь тебе надо научиться отстранению. Завтра пойдешь на медитацию.

И он опять покорно пошел. На этот раз Полли пошла вместе с ним. На медитации, судя по всему, присутствовало большинство жителей поселка. Бородатый европеец-учитель восседал на сцене и пел мантры. Они повторяли за ним. Они медитировали три часа до завтрака, потом три часа до обеда, потом три часа до ужина, потом отправлялись спать. Это продолжалось пять дней. И на пятый день Том увидел, как плывет по хрустальному коридору. Он был в легкой летней одежде, а на плече у него болтался Ремингтон старого образца. В конце коридора был хрустальный водопад, и Том покатился вниз. Он упал в озеро, оно разлетелось на сотни мельчайших хрусталиков, искрившихся на солнце. Вокруг порхали хрустальные птицы, и хрустальные деревья качали изумрудными листьями. Том выполз на берег и пошел по хрустальной пустыне. Навстречу ему появилась белая точка. Точка начала расти, и Том понял, что это снежный лев плавно скачет ему навстречу. Лев становился все больше, и когда он приблизился к Тому, тот ощутил сильную боль. Чем ближе он приближался к Тому, тем больнее ему становилось. Все его нервы напряглись и дрожали, звеня как струны. Боль была мучительной, от льва веяло жаром. Кожа Тома опалилась и начала трескаться. Лев подошел совсем близко, шерсть его вздыбилась. Он вдруг подпрыгнул и вошел в тело Тома. Вдали появились еще две фигуры. Они оказались огромными всадниками на лошадях. Первый был красным всадником на красной лошади, а второй – белым на белой. Они приблизились к Тому, красный показал на него пальцем белому и что-то сказал ему на ухо. Тот улыбнулся в ответ, и они поскакали дальше. Том побежал за ними, он несся легко, словно ветер, но они были еще быстрее и растворились

вдали. Внезапно Том увидел перед собой оленя и начал преследовать его. Пустыня сменилась хрустальными горами, в одной из них была пещера, и олень заскочил в нее. Том вошел в пещеру. В дальней стене была дверь, и он открыл ее. За дверью оказалась необычная страна. Том положил ружье у порога и пошел за дверь. Он шел по земле, и земля была там мягкая как подушка. Воздух был не жарким и не холодным. Вокруг раскинулись сады, а меж них стояли прекрасные дворцы. На дороге встречались люди в тонкой одежде, все они были доброжелательны и дружелюбно улыбались Тому. Один из них угостил Тома едой. Эта еда была необычного вкуса. Как будто все вкусы смешались в одном – сладкий и соленый, острый и кислый, вкус тропических фруктов и среднерусских овощей, вкус белой рыбы и сочной говядины с соусом из фейхоа. Это был высший вкус в жизни Тома, и он прижал язык к верхнему небу, стараясь задержать, остановить этот вкус. Но этот вкус вызвал в памяти другой – то был вкус языка Полли. И тут он вспомнил, что должен вернуться. Прошло уже полдня, а его ждала Полли. Угостивший его человек сказал:

– Оставайся с нами. Ты не пожалеешь.

Но Том ответил:

– Я найду свою девушку и вернусь вместе с ней.

Том вежливо попрощался и пошел назад. Он вышел за дверь и нашел свой Ремингтон. Он взял его в руки, с ружья посыпалась пыль. Ремингтон заржавел от старости. Том испугался, что провел столько времени в этой стране, что Полли уже нет в живых. Он бросился на поиски водопада, но не мог его найти. Он бродил по хрустальной стране, но не было выхода. Он уперся в хрустальную стену. Тогда он стал прикладом долбить ее. Сыпались осколки хрусталя, но стена не становилась тоньше. Это было все равно, что долбить толщу льда, от которой откалывались крохотные льдинки. Тогда Том поднял ружье и выстрелил в стену. Эхо выстрела разнеслось по пустыне. И стена рухнула, Том едва успел отпрыгнуть в сторону.

Прыгая, он поскользнулся и упал. Сверху на него летели осколки стены. Том прикрыл голову руками. Так он лежал, пока все не стихло. Потом он встал и открыл глаза. И оказался в той самой долине с низким небом, где они медитировали. Только теперь она была пуста. В ней не было ни Полли, ни жителей поселка. Том бродил по домам, надеясь отыскать хоть что-нибудь живое. Но они были пусты. Том пошел вдаль по долине, но пейзаж не менялся. Все та же долина и все те же холмы. И все то же нависающее над головой небо. Наконец, он выбился из сил и присел отдохнуть. Он не знал, что делать дальше. Мертвая

тишина висела вокруг. В ней не было ни одного звука. Тогда он закричал, надеясь услышать эхо. Но крик его погас, как будто вокруг был не воздух, а вата. Тогда Том заплакал от отчаяния. Он рыдал и рыдал, и серый сумеречный свет вокруг стал сгущаться. Том замерз и пошел дальше. Откуда-то налетел леденящий ветер, и его порыв чуть не сбил Тома с ног. Становилось все темнее. Из мрака, окружавшего его, послышались какие-то звуки. Но эти безжизненные звуки совсем не принесли Тому радости. Ему слышалось, что кто-то стонет и воет. Наконец, он отчетливо разобрал:

– Режь, убивай его!

В сгустившемся мраке впереди он различил какое-то копошение. Он сделал еще шаг, и из тьмы вынырнуло косматое существо с черной кожей и в лохмотьях. Безумным светом горели красные глаза.

– Режь, убивай его! – харкнуло слюной в лицо Тому существо.

Том бросился наутек, но кто-то или что-то прыгнуло его в ноги. Он упал и со всех сторон на него налетели кошмарные существа. Они схватили его за руки и ноги. Каждое норовило тянуть на себя. Том тщетно сопротивлялся, пытаясь вырваться. Одно из них вскочило на Тома и занесло нож над его горлом.

– Он мой! – победно засипело оно.

Но тут же другое существо навалилось на первое.

– Нет, он достанется мне! – шипело оно.

Они покатились в сторону. Державшие Тома существа стали набрасываться друг на друга и кусать. Том почувствовал, что их хватка ослабла. Они вырывали друг у друга зубами плоть. Том увидел, как одно из них откусило у другого голову и вгрызлось в череп. Оно пило кровь и лизало мозг. Том воспользовался тем, что про него забыли, и отполз во тьму. Он вскочил на ноги и побежал. Сзади он слышал рык и топот, как будто стадо диких животных гналось за ним. Он бежал, и со всех сторон грохотало и полыхало огнем. До него доносились звуки горных обвалов, шум морских волн, треск пожаров и вой ветра. Он забыл об усталости и, напуганный, бежал и бежал. Он занес ногу для очередного толчка и тут увидел под собой пропасть. Во мраке он не различил ее зияющую чернотой пустоту. Он побежал налево, но дорогу ему снова преградила пропасть. Эта пропасть была белой, как будто камни ее покрылись льдом. Он побежал направо, но и там дорога обрывалась пропастью. Пропасть была красной, как будто в глубине ее полыхал необъятный пожар. Том отступил. Сзади раздавался чудовищный рев.

«Куда же мне деться, где же спрятаться?» - судорожно думал Том.

Он сделал еще шаг, и нога его провалилась по колено в землю. Том нагнулся и увидел под собой нору шириной сантиметров тридцать. Он стал рыть ее руками, погружаясь все глубже в землю. Он отбрасывал комья глины, проталкиваясь вниз. Наконец, ему удалось расширить отверстие. Он с головой укрылся в норе. Топот и рев раздавались совсем близко. Вдруг все стихло. Том почувствовал над собой ледяной холод дыхания. Поднял голову. В нору просунулась, скаля клыки, рожа чудовища. Сверкали глаза, ядовитая слюна капала Тому на лицо. Том понял, что это конец. Он приготовился к гибели. Закрыл глаза.

И тут внезапно, откуда-то со стороны, ему пришла в голову мысль: «А что, если все это мне только кажется? Если никаких чудовищ не существует? Если я просто оказался в плену своего воображения?»

Внутри Тома поднялось вдруг какое-то чувство уверенности. И легкости. Том открыл глаза. Чудовище исчезло. Том вылез из норы. Свободно вдохнул. И тут увидел перед собой громадное существо с пустыми глазницами. В одной руке оно держало чашу из черепа, в другой – боевой топор. Существо прихлебывало кровь из чаши и пустотой смотрело на Тома. На шее у него висело ожерелье из человеческих голов. Кровь из них стекала по его телу.

«Я не боюсь, – подумал Том. – Мне нечего бояться. Этого существа не существует. Оно – плод моего воображения».

И он шагнул вперед. Существо занесло топор над его головой и ухмыльнулось. Том улыбнулся в ответ.

– Ты не сделаешь мне зла, – сказал он существу, не открывая рта. – Ты – моя защита. И мой хранитель.

Он сделал еще шаг вперед. И вошел в тело существа. Мрак рассеялся. Том увидел себя со стороны. Он лежал на кушетке в домике. Вокруг него толпились люди. Том узнал бородатого гуру, терапевта, Шашлычка с Пограничником. И, разумеется, Полли. Она плакала, и гуру гладил ее по плечу.

– Эй! – позвал их Том. – Что с вами? Я здесь, со мной все в порядке!

Но они не обращали на него никакого внимания.

– Полли! – кричал Том. – Не плачь, я пришел!

Но его не слышали. И тогда Том понял, что он мертв.

Он плакал вместе с Полли, он обнимал ее, но она не чувствовала его объятий. Он хотел рассказать ей о том, как одолел чудовищ, и о том, как за эти несколько дней успел ее полюбить. О том, что у него никого больше нет и о том, что он так спешил к ней вернуться, но застрял в этой холодной земле. О том, что отдал бы все, чтобы хотя бы еще секунду побыть с ней

вместе. Подержать ее ладонь в своей. Но слова не долетали до нее. И тогда ему снова стало страшно. Это был такой страх, от которого он весь покрылся ледяным потом. И сердце его, казалось, остановилось. Время вокруг тоже остановилось. Все его мысли, все его усилия были направлены лишь на одно – вернуться в собственное тело. Люди завернули его тело в покрывала и ушли. Но Том видел свое тело сквозь покрывала. С ним стало происходить что-то странное – оно начало уменьшаться. Том все пытался в него проникнуть, но оно становилось все меньше. В мире Тома время стояло на месте, но в мире людей прошли три дня. Наконец, они вернулись и открыли покрывала. Тела Тома больше не было. От него остались только ногти и волосы. Ему некуда было возвращаться. И тогда Тома охватило чувство равнодушия. Он вдруг понял, что он безмерно устал. Люди махали руками и показывали вокруг. Они удивлялись радужному сиянию, появившемуся вокруг домика, где умер Том. Но Тому было уже все равно. Он все больше отдалялся от них. Они становились все меньше и меньше, картинка съежилась до размеров этикетки спичечного коробка. Очертания становились совсем расплывчатыми, потом, наконец, исчезли.

Том вздохнул и заснул.

И проснулся.

VIII

Полли трясла его за плечо.

– Эй, пора просыпаться!

– Я что заснул?

– Ну да, ничего страшного. Такое случается со многими новичками. Пойдем обедать.

Они вошли в брезентовый шатер, в котором уже выстроилась очередь за едой. Том поздоровался с поваром и протянул ему миску. Повар, худой юноша в смешном женском переднике в горошек, улыбнулся в ответ, зачерпнул половник горохового супа и вылил его в миску.

Том с Полли присели на край лавки у самого конца длинного деревянного стола.

– Время пришло, – полушепотом сказала Полли. – Сегодня тебе надо будет поговорить с одним человеком. Его зовут Лю.

– Он здесь главный? – поинтересовался Том.

– Главных здесь нет. Все равны. Делами управляет общее собрание жителей. Лю просто уполномочен собранием отвечать за некоторые вопросы.

– Какие, например?

– Он сам тебе расскажет. – Полли отломила от серого куска хлеба половину и протянула Тому.

Том смотрел на Полли. На то, как она ест, аккуратно облизывая ложку, на ее худое плечо с выползающей из-под тишотки татуировкой в виде змейки, высунувшей жало в сторону неведомой добычи. Он вспомнил, как много хотел ей сказать, а вот теперь все забыл, растерял все слова. Люди вокруг шумно общались, жестикулировали, хлопали друг друга по плечу. Один за другим они доедали, брали свои миски, ополаскивали их в умывальнике и ставили в решетки кухонного шкафа.

– Нам пора, – сказала Полли.

Они встали из-за стола. Том подождал, пока человек перед ним помоет миску, улыбнулся ему и подставил свою под струю умывальника. Потом запихнул ее в свободную щель решетки и вышел на улицу, дожидаясь Полли. Она появилась через минуту, взяла Тома за руку и повела его к двери одного из домов напротив столовой.

– Он тебя ждет, – сказала она и поцеловала Тома в щеку.

Том поднялся по ступенькам. Постучал в дверь. Ему открыл коренастый человек азиатской внешности. Жестом пригласил внутрь.

Стандартная комната. Голые стены из бруса, кровать, стол с монитором.

– Хотите чаю? – спросил человек.

Том кивнул.

– Не буду спрашивать какого. Выбора здесь нет.

Его рот чуть растянулся в подобии улыбки.

– Здешние условия подходят только для выращивания пуэра. Он отлично гниет в этой земле. Так что пуэр.

Том снова кивнул.

Лю пару раз слил воду, отжал пуэр рычажком на крышке пластикового чайника и разлил чай по чашечкам.

– Вы удивлены, что китаец участвует в сопротивлении? – спросил Лю.

– Да нет, почему?

– Не лукавьте, конечно, удивлены. Наших и, правда, довольно мало среди борцов. Все дело в том, что именно наш народ оказался наиболее восприимчивым к плодам западной цивилизации. Общество потребления поглотило нас с головой. Я вырос в диком краю, отрезанном от остального мира горами. К нам не летали самолеты, не ходили поезда и не прибывали туристические автобусы. Вокруг росли пихтовые леса. На горах сохранились древние храмы, которые не затронула культурная революция. В храмах жили дикие обезьяны. И вы знаете, в наших краях не водились деньги.

Лю посмотрел на Тома. Том внимательно слушал.

– Раз в неделю, по пятницам, в нашем поселке открывался рынок. На него с гор спускались жители отдаленных деревень. Они вели под уздцы мулов, нагруженных товарами. Все, что угодно, можно было обменять на рынке – овощи, фрукты, чай, молоко, мясо, ткани, ковры, веники, одежду ручной работы. За столиками сидели врачи – от народного целителя до стоматолога. С ними можно было расплатиться товарами. Платишь столько, на сколько договоришься. Так было в моем детстве.

– А потом? – спросил Том.

– А потом пришло общество потребления. Какой-то швейцарец нашел нашу долину. И предложил правительству, что его фонд выделит средства на реставрацию рыночной площади, старинного театра и храма на ней. Потекли деньги. Я помню, как приехал первый автобус с туристами. Весело гогоча, они вывалились на улицу с огромными фотоаппаратами на груди, в солнцезащитных очках и ковбойских шляпах. Поселок стал расширяться. Построили первые отели. Потом решили возвести пятизвездочный. Начали рубить лес. Потом я уехал.

– И никогда больше не возвращались?

– Вернулся один раз через пару лет навестить родителей. Вы знаете, у нас в Китае все делается быстро. Я приехал вечером на маршрутном такси. И сперва не понял, куда я попал. Посреди поселка возвышался двухэтажный Макдоналдс, сверкая неоновыми огнями. На следующий день я поднялся на гору.

Лю замолчал. Его губы сжались. Он отвернулся в сторону. Том смотрел на пустую стену. Он почему-то вспомнил, как в раннем детстве его родители сняли дачу под Москвой. Маленький участок, над которым все время пролетали самолеты. Купили ему трех кроликов – двух серых и одного рыжего. Два серых быстро сдохли, а рыжий вымахал здоровенным. Когда лето закончилось, и пришла пора уезжать, они оставили кролика хозяйке. Один раз Том приехал навестить кролика. Хозяйка выпустила его из клетки, и тот бегал по участку как собака. Он даже отзывался на кличку.

– Серый, серый! – кричала ему почему-то хозяйка, хотя он был рыжим. И кролик возвращался.

Лю встал из-за стола и продолжил:

– Вы знаете, даже храмов в горах не осталось. Их снесли и вместо них построили новые. Более шикарные, с огромными позолоченными статуями Будды. И установили плату за вход. Обезьяны ушли. Я посмотрел с горы на долину внизу. Она были испещрена отелями, как шахматными фигурками. И никаких пихт. Больше я не приезжал.

Он посмотрел Тому в лицо.

– Это мы убили Моретти. И остальных.

– Зачем?

– Зачем? Как вы думаете зачем? Вы еще не поняли?

– Не имею понятия.

Лю нервно зашагал по комнате, махая рукой перед лицом Тома.

– Зачем! Разве можно с этим мириться? Кто-то должен остановить их, разрушить этот новый порядок! Вы что, не видите, к чему они клонят? И к чему вы шли вместе с ними?

Вопрос был риторическим. Он не ждал ответа.

– Это общество одинаковых людей. Общество копий и дублей. Где все улыбаются, как под копирку. Общество без изъянов, которое состоит из людей без изъянов! Общество из стекла!

Лю почти кричал.

– Мир, где правит норма, и нет места отклонениям. Мир, где все идет по плану! Мир, где с преступностью борются сами преступники! Мир, где нет места неожиданностям! Но это невозможно. Невозможно жить без неожиданностей. Неожиданности должны быть. Они должны случаться. Неизвестно где и когда. Вот почему мы нарушили их план. Они хотели сотворить мир без щелей и дырок. Мы нашли эти щели и предъявили им!

– Но какой ценой?

– Может, мои слова покажутся громкими, но ломая их порядок, мы дарим людям свободу!

– Да, вы разрушаете порядок. Но вы убивает людей. Которые абсолютно ни при чем. При чем здесь был Моретти? Какое отношение он имел к их порядку? Вы убиваете невиновных людей.

– Вы считаете, Моретти был невиновен?

– Разве нет? В чем доказательства его вины?

– Невиновных людей не бывает. Вы это поймете позже, – сухо сказал Лю.

– Как вы находили этих людей?

– Да какая к черту разница! Вы думаете, если какая-то программа сканер есть у вас, то такой нет у нас? Наивный вы человек! Все те же программы, что есть у Агентства, способны сотворить наши умельцы по всему миру.

Том на секунду задумался, наконец, решился и задал тот самый вопрос.

– Могу я спросить, как вы это делали?

Лю ухмыльнулся.

– Проще простого.

Он выдвинул ящик стола, достал оттуда полиэтиленовый пакетик и протянул Тому. На дне пакетика лежала еле видная фитюлька длиной в пару миллиметров.

– Что это? – спросил удивленный Том.

– Наше изобретение, – довольно произнес Лю. – Графоновый микровзрыватель направленного действия. Вы знаете, что такое графон?

– Нет, – сказал Том.

Он был ошарашен видом этого взрывателя.

– Графон – взрывчатое вещество из смеси кислорода и водорода. В десятки тысяч раз более мощное, чем тротил. Его проводимость идет вдоль слоев, поэтому он и разлетается вдоль, а не поперек. На этом основан механизм направленного действия.

– Как это было осуществлено технически?

– Каждый раз мы на шаг вас опережали. Вы видели жертву, но не замечали убийцу. В случае Моретти, например, это был его сосед справа. Вы засканировали Моретти через пару минут после того, как наш человек незаметно прикрепил взрыватель к его уху. Вот и все. Дальше взрыв и дыра в голове шириной 14 миллиметров.

Том был подавлен. Как же он раньше не догадался?

– Ладно, – сказал Лю. – Я вижу на сегодня с вас достаточно. У нас есть к вам предложение. Подумайте пару дней, готовы ли вы к нам присоединиться.

IX

Том медленно шел к дому. Ему надо было обдумать услышанное. Куда он мог теперь податься? Люди Агентства за ним охотятся. Но вступить в ряды сопротивления и убивать невинных людей? С этим он не мог согласиться. Хотя в глубине его души зародилась уверенность, что в чем-то Лю прав. Но в чем? Этого Том пока не понял.

Полли ждала его на пороге.

– Ты кажешься расстроенным, – она обняла его, взяв руками за шею и крепко прижавшись всем телом.

– Нет, я просто думаю.

Они вошли в дом. Здесь некуда было спешить. Этой ночью они несколько раз занимались сексом. Том зажимал рот Полли рукой, боясь, что ее крики долетят до соседних домов. Вокруг стояла странная тишина. Том понял, что ему не хватает шума проезжающих мимо машин, порывов ветра, возгласов проходящих по улице людей, пения птиц, треска цикад или сверчков. Тишина звенела, и от этого звона временами Тому казалось, что он может сойти с ума.

Перед тем, как заснуть, Полли как обычно прижалась к нему

спиной.

– Ты будешь сотрудничать с Лю?

– А куда мне деваться?

– Лю слишком прям и воинственен. Он умеет говорить о действиях, но не всегда может разъяснить их смысл. Тебе надо поговорить с Матеушем.

– С гуру?

– Да, он говорит на другом языке. Завтра будет собрание, я договорюсь с ним, что ты придешь к нему после этого.

– А мне нужно идти на собрание?

– Конечно. Участвуют все жители. Даже дети.

Собрание происходило на том же поле, где и медитация. Только сцена пустовала, все сидели на земле в кругу перед ней. Первым вышел вперед незнакомый Тому человек с чумазым лицом работяги. Он сказал, что система водоснабжения дышит на ладан. Фильтры засорились, вода не уходит в отстойник и имеет болотный вкус. Надо выделить людей на ремонт старой системы и прокладку новых шлюзов. За ним слово взял широколицый человек, похожий на колорадского фермера. Он сказал, что система водоснабжения безусловно важна. Но почти каждый день по туннелям прибывают новые поселенцы, и уже не хватает территории и кислорода для всех прибывших. А что будет дальше? На его взгляд, приоритетнее долбить землю, расширяться и строить вентиляционные шахты. Потом выступил Лю. Он сказал, что ни секрет, что они находятся в стоянии войны с Агентством. И рано или поздно Агентство вычислит их местоположение. Необходимо создавать альтернативные поселения и запасные бункеры. Он считает это делом первостепенной важности. Надо срочно собрать бригаду добровольцев, чтобы они ушли по канализационным туннелям наверх. У сопротивления есть люди в других резервациях, и с их помощью можно будет создать новые поселения. Кто-то с места предложил проголосовать за приоритетность предложений. Больше всех голосов набрало предложение Лю, с небольшим отставанием шел план расширения, а на третьем оказалась система водоснабжения. За нее проголосовали всего несколько человек. Принцип голосования оказался довольно сложным. Чуть ли не час тех, кто проголосовал за водоснабжение, убеждали в том, что никто не отменяет ее ремонт, и ничего страшного не случится, если он немного подождет. После того, как голосовавшие за ремонт согласились с доводами большинства, было устроено переголосование. На этот раз большинство проголосовало за план расширения, а предложение Лю оказалось на втором месте. После этого голосовавшие за расширение стали

убеждать сторонников Лю признать их правоту. Споры продолжались еще несколько часов. Тома удивляло, что несмотря на то, с каким жаром спорили участники собрания, никто из них не был зол или ожесточен. Все они сохраняли доброжелательность по отношению к своим оппонентам. Наконец, проголосовали еще раз. Теперь за план расширения проголосовали почти три четверти присутствовавших. Но все равно после этого решение не было принятым. Снова большинство стало убеждать меньшинство в резонности своих доводов. Голосовали раз за разом, пока двое последних не согласных – сам Лю и седой индеец с мускулистыми руками и непреклонным взглядом, – не присоединились к остальным. Было решено, что все работоспособные люди примут участие в расширении поселка. Посчитали, что на то, чтобы значительно расшириться, уйдет около месяца. После этого бригада добровольцев сможет отправиться на поиски новых земель.

– Сегодня уже поздно и все устали, – сказал Полли. – Я договорюсь с ним на завтра.

– Конечно, – кивнул Том.

Он тоже устал и хотел домой. На сегодня впечатлений хватит. Каждый день здесь приносил что-то новое и непривычное. Том никогда в жизни не видел, как люди голосуют. С самой юности он привык к тому, что решает кто-то один, а остальные воплощают его решения. Или кто-то приказывает, а остальные повинуются. Всегда был главный, и этого главного надо было беспрекословно слушаться, сколь бы глупыми и нелепыми не были его приказы. Ослушаться – значило нарушить закон, вылететь со службы или угодить в тюрьму. Том и представить себе не мог, что бывает по-другому. И вот сегодня, впервые в жизни, он увидел, что это «по-другому» работает.

X

Когда Том вошел в дом Тадеуша, тот медитировал с открытыми глазами.

– Извиняюсь, что прервал, – сказал Том.

– Меня сложно прервать, – улыбнулся Тадеуш. – Я вижу, ты уже готов.

– Как это?

– Ты много знаешь и многое прошел. Прислушайся к себе. Посмотри внутрь себя. Узнай свои сны.

– И как это сделать?

– Просто выпусти себя на волю.

Том задумался. Откуда учитель знает про его сны?

– Хочешь, я научу тебя одному упражнению? Это поможет.

Том кивнул.

– Садись на пол рядом со мной.

Том сел и закрыл глаза.

– Успокой свои мысли. Не подавляй их и не следуй за ними. Итак, это называется практика распечатывания. Вернись в своем уме к той любви, которую кто-то давал тебе. К самой сильной любви. Может быть, в детстве.

Том вспомнил маму.

– Попробуй воссоздать эту любовь, заново представь ее. Вспомни какой-нибудь случай, когда этот человек показал тебе свою любовь.

И Том вспомнил, как в тот раз, когда он убежал из детского сада, и отец бил его ремнем, мама пришла с работы. Она услышала крики Тома и вбежала в комнату. Том не видел маму, потому что отец зажал его голову между ног. Но он слышал ее слова, как она воскликнула:

– Что же ты делаешь? – и оттолкнула отца от Тома.

Она закрыла его своим телом, встала между ним и Томом и закричала:

– Не смей никогда бить моего ребенка!

Отец тяжело посмотрел ей в глаза, а потом повернулся и вышел из комнаты.

– Теперь почувствуй эту любовь, – продолжал гуру, – позволь ей заново вспыхнуть в твоем сердце. Пусть она наполнит тебя благодарностью. Теперь эта любовь направлена на того, кто пробудил ее. Если ты не всегда замечал, как он тебя любит, то этот случай проявил его любовь в полной мере. Ты понял, что заслуживаешь любви, ты ощутил, как сильно ты любим. Ты чувствуешь эту любовь. Она все сильнее и сильнее. Она наполнила твое сердце. Она переполнила его до краев. Сейчас она прольется через край. Открой свое сердце. Дай любви литься из него. Пусть она польется к твоим близким, потом к твоим знакомым, потом ко всем людям на земле. Пусть она льется и к чужим, и к тем, кого ты считаешь врагами. Пусть она льется ко всем существам на земле, по всей вселенной. Ты распечатал свою любовь. Теперь можешь открыть глаза. Ну как?

Гуру добродушно смотрел на Тома.

– Словами сложно выразить.

– Ну и не пытайся.

Том вслед за Тадеушем осторожно встал с пола. Он чувствовал что-то новое, какая-то бодрость и тепло растекались по телу. Здесь не было солнца, но даже блеклый свет ламп и тишина перестали раздражать его. Тому хотелось прыгать и танцевать. Он едва сдерживал себя от дурашливого смеха. С трудом у него получилось сосредоточиться. И он вспомнил свой

вопрос.

– Учитель, если я люблю врагов, как я могу их убивать?

– Ты имеешь в виду тех, кто был уничтожен взрывателями?

– Моретти и остальных.

– Лю не все объяснил тебе. Он скорее воин, чем духовный практик. Все очень просто. Дело в карме.

– Как это?

– Это моя ошибка, что я не пригласил тебя зайти ко мне, прежде чем ты пойдешь к Лю. Я не был уверен, что ты готов. Что ты поймешь. Я понял это только сегодня, когда ты зашел, и я посмотрел тебе в глаза. Ты знаешь больше, чем сам сознаешь. Речь идет не совсем о материальных вещах. Теперь, когда ты их почувствовал, думаю, ты поверишь.

– Вы хотите сказать, что их смерть была предписана?

– Именно. И Агентство пыталось нарушить это предписание. А мы просто выполняем закон кармы. Все эти люди в позапрошлой жизни были убийцами. В прошлой жизни в наказание за это они родились в аду. И переродились снова, чтобы погибнуть самим. Вот и все.

– Выходит, Лю не то чтобы объяснил мне не все, он сказал неправду.

– В каком смысле?

– Он говорил о неожиданностях. Но если вы выполняете закон кармы, здесь нет места неожиданностям.

– Не все так просто. Это смотря, как считать. Вернее, с какой стороны смотреть. Для людей Агентства закон кармы является неожиданностью. Да и вообще для обычных людей, проявление кармы кажется неожиданностью. Это ее видимая сторона. Но для видящих истину людей неожиданности нет. В глубине неожиданности таится смысл. И неожиданность оборачивается законом. Я понятно говорю?

– Я стараюсь понимать, – глядя в глаза шифу, честно ответил Том.

– Тогда теперь, после моих разъяснений, ты можешь снова сходить к Лю. Он более подробно посвятит тебя в технические детали.

XI

Пока Том шел к дому Лю, он вдруг понял, что поверил Тадеушу. Все как-то улеглось на свои места. И ему стало легче. Смерть Моретти и остальных была закономерна. Агентство пыталось нарушить предписанное. Том привык все видеть в черно-белых тонах. Где-то есть сторона добра, а где-то – зла. Раньше Агентство олицетворяло для него закон и порядок, то есть добро. Теперь добром стали Лю и другие противники Агентства.

Больше не существовало преград, чтобы к ним присоединиться.

– Я был у Тадеуша, – сказал он Лю.

– Окей, – ответил тот, – стало быть, теперь вы знаете про закон, которому мы служим. Я расскажу вам все, как есть. На самом деле все очень просто. Карма – вещь не материальная, но ее можно померить.

– У вас есть приборы?

– Да, существуют счетчики. Они позволяют засечь тех, у кого зашкаливает поле отрицательной кармы. Но есть еще кое-что. Это касается вашей программы.

– Что именно?

– Я думал, вы уже догадались. В ней нет ничего необычного, никакой метафизики. Она как раз очень материальна.

– Я не понимаю.

– Она настроена на таймеры наших взрывателей замедленного действия.

«Боже, как все просто!» – подумал Том. Не раз он задавался вопросом, как работает его программа. Что такое смерть, и как можно определить время ее прихода. А оказалось, сканер просто считывает код счетчика. Вот почему он определяет насильственные смерти. И вот почему он вычисляет время убийства, а не способ. Но тогда это означает…

– Я знаю, о чем вы подумали, – продолжал Лю. – Что ваша программа бессмысленна. Она всегда действует с задержкой. Отстает от нас на один шаг. Просто ведет вас по пути, заданному нами. И никак не помогает предотвратить убийство.

– Но как же так? – спросил Том. – Зачем такая программа понадобилась нашему Агентству?

– В это-то все и дело. Именно за этим мы к вам и обратились. Они сами не имеют представления о том, как устроена программа. Вся загвоздка в разработчике. Это наш человек. И он вешает им лапшу на уши.

Старик Джордан! Том и представить себе не мог.

– А как же раньше, до взрывателей? – спросил он.

– Тоже наших рук дело. Мы добывали по своим каналам информацию о готовящихся мафиозными кланами преступлениях. Скидывали ее Джордану. В нужный момент он подавал сигнал на сканер. И все дела. Программа – просто наш шанс на передышку. Боковой путь. Но рано или поздно люди Агентства должны были понять, что он ведет в тупик. И это час близок. В любую минуту Джордан будет раскрыт. Ваша задача – вытащить его оттуда.

– Вы смеетесь? Джордан сидит в отдельном крыле со специальным кодом доступа, который он сам не знает. И я уже

больше не сотрудник Агентства. Как я туда попаду? Они охотятся за мной.

– Да, вы правы. Это сложно. Но шанс есть. И мы должны его использовать. Код мы сосканировали. Я вам его передам. А вы явитесь в Агентство к вашему боссу и придумаете какую-нибудь легенду.

– Какую, например? Что я рождественская фея?

– Я не иронизирую. Придумайте любую. Что вы оторвались от них из чувства самолюбия. Хотели самостоятельно провести расследование и докопаться до истины. И докопались. Узнали про взрыватели. Скажете, что обезвредили нашего человека в момент, когда он прицеплял взрыватель к воротнику очередной жертвы. Принесете им сам взрыватель. Я дам вам его с собой. Это будет для них большим сюрпризом. Настоящим подарком на блюдечке.

– И вы думаете, мне поверят?

– Вполне. Все, что вы расскажете – недалеко от правды. Просто утаите пару деталей. Про то, что побывали в нашем поселке. И про принцип программы. Не надо облегчать им их работу. Пусть сами перебирают варианты. Это даст нам несколько лишних дней.

– Допустим, что так. Но что, если они обнаружат мой антиопределитель? Вы про это подумали?

– Наш человек дезактивирует его, перед тем как вы войдете в Агентство.

– Почему я должен вам помогать?

Том посмотрел на Лю. И впервые заметил, что под маской его энергичности скрывалась безмерная усталость. Лю сел за стол напротив Тома.

– Вы не должны. Вы просто подумайте. Вернитесь домой, сядьте спокойно и подумайте. Посмотрите внутрь событий. В прошлое и будущее. И вы поймете, что у вас нет никакого выбора. Все давно предопределено.

XII

В эту ночь Том не смог заснуть. Они лежали, обнявшись с Полли. Полли гладила его по лицу, по волосам.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Лю говорил о предопределенности, – сказал Том. – Но, я не понимаю, что это такое. Ты тоже считаешь, что все в жизни предопределено?

– Я это знаю, – ответила Полли. – Со мной это случается.

– Что именно?

– Сложно объяснить. Это стало происходить в последнее время. Стоит мне о чем-то подумать, как это случается.

– Ну, например?

– Ну, как тебе сказать. Например, я подумаю, что хочу кого-нибудь встретить, и тут же его встречаю. Или со мной что-то произойдет, и это действительно происходит. А ты мне вообще приснился.

– Правда?

– Перед тем, как меня послали на задание, я была в Монреале. В тот день я была в музее. Мы с подружкой открыли музей барабанного искусства. Приезжал учитель горлового пения из Тувы и давал семинар. Я волновалась, как все пройдет, и очень устала. Потом еще приходил на переговоры владелец помещения, которое мы арендовали. Мы боялись, что он повысит аренду или вообще нас выгонит. А он оказался нормальный мужик, сказал, что сам ездит на разные практики. Йога, цигун, холотропное дыхание. В общем, он так проникся нашей деятельностью, что сказал, что вообще отменит арендную плату. Это был настоящий восторг! В общем, я пришла домой, и такое ощущала смешанное чувство радости и безмерной усталости. Вырубилась как убитая. А ночью мне приснился ты. Я видела твое лицо, твои мускулистые руки. За нами была погоня, и мы с тобой неслись куда-то. Тусклый свет в длинных коридорах, шахты лифтов, люки, подземные туннели. Ты оборачивался назад и стрелял в темноту. Все это я видела. А на следующий день со мной связались люди Лю и сказали, что пришло время моего задания. Я полетела в Москву. Ну а что было потом… ты знаешь.

Том пригнул голову и поцеловал Полли в худую косточку ключицы. Потом они лежали в тишине. Каждый знал, что скоро Том уйдет, но у них не было слов, чтобы говорить об этом. Том думал о том, что, в отличие от Полли, он не видит будущее. Он не знал, вернется ли он или нет. Впереди была пустота. Он лишь знал, что нужно идти, но ему было тяжело. Холодная тоска сдавливала его сердце. Впервые за долгие годы он познал нежность. И этой нежностью была Полли. Он понял, что двое – это один. Что можно засыпать вдвоем и просыпаться вдвоем. Согреваться теплотой чужого тела, ставшего твоим. И он боялся ее потерять. Раньше он безропотно уходил на задания, не думая о собственной смерти и не страшась ее. Хотя многие из этих заданий не уступали по сложности нынешнему. Но теперь незнакомое щемящее чувство леденило его. И он лежал на кровати, смотря как на рассвете проступают из темноты тонкие черты лица Полли, ее мягкие щеки, губы, ресницы, длинный разрез глаз. Он лежал, пытаясь запечатлеть ее облик и оттянуть, отсрочить момент ухода. Остановить время.

Часть 3

I

Том шел по Городу. Он не был здесь так мало, но, казалось, пронеслась целая вечность. Он шел по Городу и ничего не узнавал, хотя, на самом деле, ничего не изменилось. Все так же люди в деловых костюмах и с застывшими улыбками на бледных лицах спешили на работу. Огромные очереди тянулись в «Луи Виттон» и «Шанель». Улицы сплошь состояли из бутиков и торговых моллов. Город был испещрен неоновыми огнями рекламы. Они вспыхивали тут и там, делая его неотличимым от какой-нибудь азиатской столицы типа Пномпеня или Сеула. Временами Том проходил мимо витрин игровых магазинов. Здесь прямо на полу сидели молодые и старые клерки, перебирая обложки новинок или подобно детям увлеченно уткнувшись в игровые консоли. Единственное отличие – это то, что случилось с самим Томом. Каким-то непостижимым образом он безошибочно научился отличать голограммы от людей. Вот девушка, проскользнула мимо, чуть задев Тома складками фланелевого платье и обдав его запахом шафранных духов. Том посмотрел на нее. Девушка обернулась и улыбнулась ему. Голограмма.

В метро Том насчитал десять голограмм из двадцати сидевших напротив пассажиров. Пожилой пенсионер со свежим выпуском городской газеты в руках, папа с беспокойно ерзающим на сиденье сыном лет пяти, несколько клерков и группа студентов азиатской внешности. Центр Города закончился, поезд миновал мост. Том был единственным из пассажиров, кто вышел на улицу. Здесь тянулись ряды заборов и опустевших фабрик. Стандартные серые здания бесконечными рукавами расходились во все стороны. На заборах еще сохранились истертые вывески с номерами улиц. Том шел по указанному Лю адресу. Второй поворот налево, потом третий направо, снова второй, четвертый. Все дальше и дальше от города, вглубь стандартной неизвестности. «Надо же, – думал Том, – как близко от центра заканчивается жизнь. Стоит отъехать всего пару миль, и вот уже пустота, даже крысы не бегают здесь – им нечем кормиться».

Наконец. Том увидел нужные ворота и вошел внутрь. Сразу за воротами возвышался потрескавшийся и чуть покосившийся памятник первому Президенту. Направо вдоль труб тянулось длинное двухэтажное здание с провалившейся крышей. В некоторых окнах еще уцелели осколки стекол. За ним в глубине территории виднелось квадратное четырехэтажное строение. Тому надо было туда. Именно там ему предстояла встреча с человеком Лю.

– Один из основателей нашего Братства, проверенный и высококлассный специалист, – так отрекомендовал его Лю. –

Операция пройдет быстро и незаметно.

Том поднялся по полуобвалившимся ступенькам на четвертый этаж. Открыл крайнюю дверь коридора. Вошел внутрь. Пустое пространство с граффити на стенах. «Все полицейские – ублюдки», – видимо еще сохранилось с доагентских времен.

Сесть было негде. Том в ожидании прохаживался по комнате. Три шага вперед, два назад. Вместо мыслей – пустота.

Наконец, внизу хлопнула дверь. На лестнице раздался звук медленного шарканья шагов. Дверь в комнату отворилась. Вошел человек в шляпе и черных очках. Снял шляпу, потом очки. Молча посмотрел на Тома.

Это был Франсуа Девер.

II

Том подошел ко входу в Агентство. Протиснулся в стеклянную кабинку. Просветив его лазером, она повернулась по кругу и распахнула свои двери. Том ступил на пол. Двое охранников уже выскочили из-за стола и стояли прямо перед ним, нацелив на него свои пистолеты. Том поднял руки вверх.

– Все в порядке, – сказал он. – Просто позвоните шефу. Я пришел с ним поговорить.

Один остался держать его на прицеле. Другой нажал клавишу переговорного устройства.

Пока он докладывал о появлении Тома, Том вспоминал, как первый раз появился в Агентстве на стажировке. Воспоминания были тусклыми – память сохранила лишь общие черты. Вот он спускается на стеклянном лифте во внутренний двор с фонтаном и свисающими с перил других этажей лианами. Обедает за маленьким столиком. Вот он сидит в офисе за пустым столом. Стол оснащают оборудованием прямо на глазах Тома. Сначала из технического департамента привозят легкий перламутровый монитор. Потом поступают канцелярские принадлежности. Набор с вращающейся подставкой. Толстая шариковая ручка и тонкая Parker с логотипом Агентства. Два чернографитовых карандаша. Короткая линейка, виниловый ластик, скрепки, кнопки, скобки. Степлер, антистеплер, точилка, канцелярские ножницы, диспенсер для скотча. Настольная доска-планшет, лоток для бумаг, подставка для визитных карточек, которая так никогда и не пригодится.

– Идем, – донесся до него голос охранника.

И они пошли к лифту. Том впереди, оба охранника за ним.

Как и предсказывал Лю, все прошло более-менее гладко. Охранники не спускали пистолеты со спины Тома. Шеф слушал его историю с каменным лицом. Том рассказывал выученную историю, а сам думал о другом. Он вспомнил, как однажды,

вытянувшись точно так же по стойке смирно, он стоял перед директором школы. В тот день классный руководитель назначил его вместе с одноклассником дежурными по школе. Нужно было сидеть при входе в школу и не пропускать чужаков. Это было по-настоящему классно – прогуливаешь весь день, да еще официально. К тому же никакие чужаки не стремились зайти в их школу, так что и делать ничего не надо было. Том захватил с собой карты, одноклассник – магнитофон с музыкой. Где-то посередине дня они увлеченно резались в карты, когда над их ушами зазвенел визгливый голос директорши школы. С искаженным от гнева лицом она кричала что-то, смысл чего не доходил до Тома и одноклассника из-за нахлынувшего на них испуга. Потом их вызвали на педсовет. Директорша сидела перед ними, а по бокам и сзади – другие учителя.

– Кто из вас принес карты? – в который раз чеканила директорша.

И они оба молчали. Нет, Том не поступил дурно – он не свалил вину на другого, просто отмалчивался. Но у него и не хватило смелости признаться, что это сделал он. И осадок остался. Потому что Том был на хорошем счету, в отличие от его троечника-одноклассника. Так что на него и подумали, и наказан в итоге был он, а не Том.

Шеф растаял, когда дело дошло до взрывателя, который не засек даже лазер на входе. Том извлек из кармана платок со взрывателем и предъявил добычу изумленному шефу. Тот долго вертел его на ладони.

– Да уж, сынок, – наконец, проговорил Колт, – ты сделал свою работу. А я уж в тебе засомневался.

– И что теперь, – спросил Том. – Что дальше?

– Дальше по всей видимости ничего. Все будет как прежде. Ты вернешься к работе. Но, сам понимаешь, не сразу.

– А когда?

– Том, это правила. Мы должны будем тебя проверить. Будешь ходить сюда каждый день как на работу. Стандартная процедура. Разговоры, детекторы, сканеры. Ничего особенного. Считай, это как карантин. А вот сколько он продлится – зависит от тебя самого. Может быть, месяц, а, может, всего пару дней.

III

И вот Том снова ходил на работу, как во времена своей стажировки. После изнурительных допросов в департаменте расследований спускался на лифте в ресторан. Обедал за отдельным столиком, слушая шум водопада среди лиан.

До намеченной операции оставалась всего пара дней. План Лю был рискован, но прост. Внутри здания Том пользовался

относительной свободой, единственное, что он был лишен оружия. Джордан работал допоздна. После окончания рабочего дня Том должен был не спуститься со всеми на лифте, а дойти до противоположного конца коридора, где находился туалет. Переждав, пока все уедут, Том должен был выйти из туалета и завернуть за угол. Там находилась стеклянная дверь, ведущая на лестницу, соединяющую основное здание с боковым крылом. Чтобы ее открыть, нужен был внутренний код, которого Лю не знал, но за время нескольких своих походов в дальний конец коридора Том считал его у других сотрудников, время от времени забегавших с лестницы в туалет. Проскользнув в соседний коридор, он должен был по другой лестнице подняться на этаж Джордана. У входа в его лабораторию сидел всего один охранник, который каждый день сопровождал Джордана из неизвестного места по пути на работу и обратно. Том должен был воспользоваться его замешательством и вырубить его без оружия, что представлялось Тому самой сложной частью плана. Дальше он должен был проникнуть в комнату Джордана, и уже вместе с ним сесть в лифт. Внизу с помощью захваченного у охранника оружия он должен был уложить еще двоих на посту, после чего они с Джорданом вырывались наружу. Там уже их отход прикрывали двое людей Лю из числа его сторонников в Городе. Всего в операции было задействовано шесть человек, не считая Тома и Франсуа. Еще двое ждали их в машине. Они отвозили их за пару кварталов в место, которое из соображений безопасности Лю не сообщил даже Тому. Там их поджидали еще двое в другой машине и Франсуа. Том и Джордан пересаживались к ним и по пути в укрытие, где можно будет имплантировать антиопределитель, Франсуа должен был подавлять сигнал Тома и возможно аналогично установленный у Джордана внешним глушителем.

– Вот те раз, – раздался басовитый голос над его ухом, – кого я вижу, мистер Верт собственной персоной!

Том оторвал голову от жареных кабачков. Над ним возвышался Громила Мигель. Он протягивал руку. Том пожал руку, стараясь не вспоминать, как видел Мигеля стрелявшего в Полли.

– Какими судьбами, босс? – продолжал тарахтеть Громила. – Мы думали, ты соскочил и тебя пришили.

– Скажи мне, по правде, Мигель, ты мог поверить в то, что я отступник?

– Конечно, нет, босс, но приказ есть приказ. Мы тоже шли по твоему следу.

Тома удивила откровенность Мигеля.

– Они ошибались, Громила. Теперь все вернулось на свои места.

Широкая улыбка засверкала на лице Громилы.

– Слава богу, босс. Буду рад вернуться под твое начало. Значит, теперь все как прежде?

– Теперь все как прежде, Мигель. А ты сам что здесь делаешь?

– Ну, с тех пор, как ты сос… то есть пропал, меня временно назначили на твое место. Вот я и завернул сегодня с докладом.

Надо же! Том всегда хорошо относился к Громиле и доверял ему, как брату, но считал его немного недалеким. Никогда бы не подумал, что у него есть административные способности. Столько лет рядом, а вот недооценил человека.

– Передавай привет остальным, Мигель. Скоро карантин закончится, и я задам им жару.

Том посмотрел в глаза Громиле.

– Непременно, босс. Ребята уже заждались хорошей трепки. А то расслабились, знаешь. Я у них не в авторитете.

Громила, сияя, загрохотал к выходу.

IV

Все получилось так, как и планировал Том. В шесть часов вечера Спайк, долговязый очкастый детина из департамента расследований, пожал ему руку.

– Поздравляю, мистер Верт, – сказал он, – вы успешно прошли проверку. С завтрашнего дня можете приступать к работе.

Он, второй сотрудник Кэллахан и Том вышли в коридор.

– Вы вниз? – спросил Спайк.

– Нет, – улыбнулся Том, – мне еще нужно в одно местечко.

Спайк пожал ему руку. Даже вечно угрюмый Кэллахан выдавил подобие улыбки и протянул свою, холодную как камень, руку.

Они пошли к лифту. Том неторопливо отправился в сторону туалета. По пути ему никто не встретился – здание уже опустело. Переждал в туалете минут десять. Вышел, быстро открыл дверь на лестницу бокового крыла. Поднялся на один этаж, добежал до противоположного конца. Еще одна дверь. Набрал внутренний код, сообщенный Лю.

Поднялся по лестнице на этаж Джордана. Охранник сидел лицом к двери в его лабораторию. Выход с лестницы был слева. Том перевел дыхание, непринужденно вышел из дверного проема и отправился прямо к лаборатории, мимо охранника, стараясь не смотреть в его сторону.

– Эй, – раздался его голос, – вы куда это?

Том развернулся к нему корпусом.

– У меня беседа с Джорданом. Я – Том Верт, агент третьего

уровня.

– Какая еще беседа, не положено! – охранник буравил его глазами.

Том сделал шаг ему навстречу.

– У меня доступ.

– Мистер, стойте, где стоите! – охранник потянулся за пистолетом.

Том сделал еще шаг.

– Вот, могу показать, – он сунул руку за пазуху.

– Эй, стоять на месте, кому сказано, – охранник извлек пистолет и нацелил его на Тома.

Том сделал еще полшага вперед.

– Делайте, что хотите, а я иду к Джордану!

– Только через мой труп.

– Это легко, – сказал Том и прыгнул вперед. Ребром левой ладони он ударил его по сжимающему пистолет кулаку, а правой – по сгибу руки со внутренней стороны, ломая предплечье. Охранник выронил пистолет, даже не успев нажать на курок. Том тут же нанес ему удар острием ботинка в пах, и когда охранник рефлективно согнулся в сторону Тома, Том обхватил руками его голову за нос и затылок и крутанул налево, ломая шейные позвонки. Охранник рухнул на пол. Том подобрал его пистолет и влетел в лабораторию. Джордан едва увидев Тома, понял без слов, что время пришло. Они вместе выбежали в коридор. Вскочили в лифт. Том нажал кнопку первого этажа.

Двери открылись. Но это не был первый этаж. Перед ними в темноте коридора стояли Такеши Шмель и Громила Мигель. Громила улыбнулся и выпустил пулю в ногу Тома чуть ниже колена. Том, падая, успел выпустить обойму ему в живот, но Такеши изрешетил Джордана и растворился в темноте за углом лифта.

V

Теперь Том сидел, привязанный к стулу, в квадратной комнате с белыми стенами без дверей и окон. Над ним постоянно горела яркая лампа дневного света, так что он не знал, сколько прошло дней и ночей.

Шеф заявился к нему лишь однажды в сопровождении трех сотрудников. Он смерил Тома взглядом, полным отвращения – так примерно смотрят на сгнившую на дороге крысу.

– Бедный, бедный Том, – печально сказал шеф, – неужто ты и вправду поверил, что смог от нас оторваться? Боже, каким же надо быть дураком. Том, летая по миру, ты покупал билеты в Сети. Но зная твое досье, твои наклонности и предпочтения, несложно было отследить твои запросы в Сети и составить твой

киберпрофиль. А по киберпрофилю, да будет тебе известно, можно идентифицировать личность любого пользователя всего лишь за пару дней. Да и перемещаясь по поддельным Айди, ты же проходил лазерное сканирование в аэропортах. Так что нам были заранее известны все твои перемещения. Ты думаешь, ты оторвался в Пномпене? Мы просто дали тебе время, Том. Чтобы ты смог нырнуть в Поселок и привести нас к ним. Ведь ты нам был не нужен. Нам нужна была твоя баба и те, кто стоял за ней. Так что спасибо тебе, Том. Сам того не зная, ты, действительно, неплохо поработал на нас. Оказал нам неоценимую услугу. Покажите ему.

Один из сотрудников включил проекцию на стену. Том увидел забор резервации и мутную воду озера на закате. Послышался звук мотора. Над озером возник и завис военный вертолет. Открылся отсек днища и вниз полетел снаряд. Вода встала стеной и разлетелась вдоль всего экрана.

– Нет, – кричал Том, – безуспешно пытаясь вырваться из державших его пут, – нет! Полли! Полли!

– Но в игре нужно делать последний ход. Ставить точку, – сказал шеф. – Мы знаем, что у них есть запасной аэродром, еще одна база. Там мог кто-то остаться в резерве. Так что, Том, тебе придется нам помочь еще раз. Последний. Ты скажешь нам, где он, и на этом мы навсегда попрощаемся. Я тебе обещаю.

Шеф погладил Тома по голове, не глядя на него, и вышел. Том вспомнил, что у его китайской подружки был дядя по кличке Голова-Молоток. Он был обычным хулиганом. Однажды он встретился в казино с человеком, которого звали Острый Перчик. Острый Перчик был чиновником и депутатом парламента. В тот день он проиграл много денег главе местной триады и не хотел их отдавать. Босс триады кричал на Перчика и обещал с ним расправиться. Тогда Голова-Молоток вмешался в их ссору. Он достал пистолет и застрелил обидчика. Благодарность Острого Перчика не знала границ. Он предложил Голове-Молотку стать партнерами. Так соединились вместе влиятельность и деньги Острого Перчика и бесшабашность и лютый нрав Головы-Молотка. Они создали самую могущественную группировку на Юго-западе Китая. Они сжигали рестораны и магазины тех, кто не хотел платить им дань, отрубали пальцы должникам, брали в заложники детей бизнесменов и требовали выкуп. Они подчинили себе рыбную промышленность, цементные заводы и грузовые перевозки. Никто не решался их ослушаться, но их аппетиты росли. И однажды простые парни, водители-дальнобойщики, которых они обложили непомерным налогам, вышли на митинг, говоря, что тех жалких крох, которые им

оставляют Острый Перчик и Голова-Молоток, не хватает, чтобы прокормить семью. Голова-Молоток со своими людьми застрелили семерых дальнобойщиков. После этого центральные власти решили навести порядок. За пару недель до операции начали высылать из города коррумпированных чиновников под предлогом дальних командировок. В день захвата Голова-Молоток и Острый Перчик праздновали день рождения Перчика в своем новом ресторане в окружении двухсот бандитов. За пять минут до захвата у них у всех отключилась телефонная связь. А потом ресторан оцепили вызванные из столицы войска на бронетранспортерах. Банда сдалась без единого выстрела. Голову-Молотка приговорили к расстрелу. Его сестра, мама подружки Тома, навещала его в тюрьме. Так вот там он незадолго до расстрела жаловался ей, что каждый день его заводят в специальную комнату и приставляют электроды к гениталиям. Потом его бьют током, смеются и смотрят, как он мучится, крича и корчась от боли. Голова-Молоток рассказывал, что полицейские это делают просто так, для веселья – все, что мог, он уже давно рассказал, и они вовсе не хотят выпытать у него что-то новое.

«Что они будут делать со мной? – подумал Том, – и сколько это будет продолжаться? Если б я даже что-то захотел рассказать, то все равно бы не смог – я ничего не знаю».

Том вдруг вспомнил про урок Тадеуша, упражнение, показанное им. Он вспомнил про любовь к близким, чужим, даже врагам. Он попытался сосредоточиться, не закрывая глаза и глядя на белую стену перед собой. Почувствовать источник внутри себя. Тепло, которое разойдется по телу. К нему приблизились двое сотрудников. Каким-то задним сознанием Том узнал в одном из них Джейка Ли – своего человека на Мосинлине. Но проводов и тока не было. Первый, незнакомый, просто достал шприц и сделал укол ему в шею. Тепло разливалось по телу Тома. Его тело размякло. А потом все изменилось. Тревога подкатила к горлу. Вслед за ней пришли холод и ужас. Пот прошиб его насквозь. Ему свело ноги. Судорога изогнула спину. Что-то сверлило и разрывало внутренности на части. Его как будто растягивали на дыбе и ломали кости. Невидимая пила отскребывала от него кусочки, один за другим перепиливая нервы. От боли глаза полезли на лоб. Он бился в конвульсиях и кричал, кричал, кричал.

VI

Когда он пришел в себя, над ним стоял все тот же человек со шприцом. Он улыбался.

– Ты отключился, Том, но не совсем. Ты бредил. И много сказал нам в бреду полезного и интересного. Но того, что нам

нужно, ты не выдал. Так что, извини. Придется повторить эксперимент.

И он снова вколол иглу в шею Тома.

Белые стены сжались в единый белый ком, и он навалился на Тома. Давя его огромным катком, распластывая по земле. Том превратился в белую простыню, линию, тонкий листик, взметнувшийся над землей и парящий между водой и небом. Он вышел из своего корчащегося от боли тела и летал среди миров, безмолвно наблюдая за чужими страданиями. Время остановилось в этой пустоте без начала и конца, растворились и слились воедино в прозрачную взвесь образы, звуки и запахи, и это называлось счастьем. Прошлое и будущее стремительно отдалялись, Том хотел бы оставаться здесь навсегда, беззвучно паря, но под ним вдруг разверзлась черная бездна, и какой-то неумолимой силой его потащило вниз.

– Что ж, – сказал человек-шприц, – опять никакого результата. Придется еще повторить.

– Нет, – возразил чей-то знакомый голос, – еще один раз он не выдержит. Мы убьем его.

– Если мы все равно не можем от него ничего добиться, он нам не нужен.

– Я считаю, надо устроить передышку. Попробуем завтра последний раз.

– Ну, как знаешь, от одного раза нас не убудет. Завтра так завтра.

Голоса удалились и растворились в стенах. Том медленно открыл глаза. И тут же зажмурил их снова – резкий свет полоснул по зрачкам, голова взорвалась от приступа мгновенной боли. Его чуть не стошнило. Мучила жажда. Он перевел дыхание. Попробовал пошевелить ступнями – ватные ноги не слушались его. Сжать ладонь в кулак не получилось – запястья онемели. Тогда он стал потихоньку крутить ладонями в одну сторону, потом в другую. Вернее, вначале получалось крутить их лишь мысленно – ладони не двигались, но потом они, наконец, шелохнулись, потом еще, и постепенно задвигались, разгибаясь все сильнее и сильнее. Затем он проделал то же самое со ступнями. Почувствовал боль в левой, раненой, ноге. И это означало – почувствовал ногу. После этого решился перейти к шее. Чуть крутанул головой – что-то щелкнуло в ухе, и боль засвербела с левой стороны. Он переждал – когда она понемногу притупилась, крутанул еще. Так постепенно он размял шейные позвонки и смог свободно шевелить конечностями. Он чувствовал, что вполне овладел своим телом.

Теперь Том выпрямил спину и сосредоточился на дыхании.

Он дышал ровно и глубоко, следя за точкой на животе чуть выше пупка. Он старался не думать о прошлом и будущем, об Агентстве и шефе, о бомбе и подводном поселке, о себе и о Полли. Он старался вообще не думать, сгладить свои мысли, сравнять их с облаками на небе, пусть они приходят и уходят, как легкие облачка, не способные исказить синеву неба. И мыслей становилось все меньше, наконец, небо совсем разгладилось, и мысли ушли. И тогда Том заснул. Заснул впервые за все это время, перестав сопротивляться резкому белому свету и впустив его в глубины своего сознания.

– Просыпайтесь, Верт, – человек-шприц тряс его за плечо.

За ним стояли еще двое, один из них был Джейк Ли, и Том понял, что это его голос спорил с голосом человека-шприца.

– Рад вас видеть, – пошутил Том.

Шприц на секунду удивленно завис в воздухе, но затем обрел прежнюю уверенность и потянулся к шее Тома, и тут Джейк полоснул его обладателя ребром левой ладони в ухо, и когда тот с непонимающим взглядом обернулся назад, Джейк пробил ему пальцами кадык, с другой руки стреляя в его напарника.

– Бежим, Том, – сказал Джейк, доставая нож и срезая опутавшую Тома веревку.

И они бежали. Джейк захотел помочь Тому подняться, но он не нуждался в чьей-то помощи. Он поднял пистолет убитого агента, и они выскочили в коридор. Том бежал, хромая на раненую ногу. Она мучительно болела, он закусил губу и продолжал бежать вслед за Джейком. Два метра до лифта, кнопка первого этажа, и на этот раз это был действительно первый. Со всех сторон уже неслись охранники.

– Давай, Том, – сказал Джейк, – тебя уже ждут. Я прикрою. Времени на прощание у нас нет.

И он повернулся спиной к Тому, одну за одной выпуская пули в сторону летевших к ним преследователей. Двумя выстрелами Том уложил сидевших за стойкой и вбежал в стеклянную кабинку на входе. Крутанулись двери, он выбежал на ступеньки, у входа резко затормозила машина, открылась дверь. Том прыгнул внутрь, машина газанула и свернула за угол. Два квартала, слева подлетел белый «Джили». Том подбежал к нему, рухнул на заднее сиденье. Поднял глаза. Слева от него с невозмутимым видом сидел Франсуа. Машина понеслась вдаль.

– Здравствуй, милый, – раздался голос спереди.

С правого сиденья к нему повернулась Полли. Она смотрела на него, улыбаясь.

VII

«Наверное, я умер там в белой комнате, и встретил тебя не наяву, а в мире духов», – подумал Том.

– Какая разница, – вслух ответила она его мыслям и погладила его по лицу. – Лю не хотел меня посылать за тобой. Я не должна была быть в группе. Я сама напросилась. А теперь, – она отвернулась в сторону, ее губы сжались, – почти все погибли. Кроме тех, кто успел выйти на запасной плацдарм.

Она замолчала. Машина неслась по пустынным улицам. Населенная часть города закончилась. Мимо пролетали бесконечные бетонные заборы, полуобвалившиеся здания фабрик, поросшие зеленью, опустевшие кварталы одноэтажных домов, посеревшие высотки брошенных отелей, ржавые светофоры и покореженные остовы забытых на тротуаре машин. Город переходил в пригороды, они сменялись другими безжизненными городами. Том и представить себе не мог, насколько далеко тянутся эти следы былой активности человека. Еще он понял, где пределы могущества Агентства – оно не простирается дальше населенных территорий, там где нет людей, не нужны и голограммы. Как ему раньше не приходила в голову эта очевидная мысль? Одному без электричества и пропитания здесь не укрыться, но группа людей вполне может основать поселение, наладить коммуникации, подключиться к отдаленным линиям электропередачи, запастись провиантом и наносить удары снаружи.

Наконец, они остановились у одного из заборов. Прошли на территорию заброшенного кондоминиума. Четыре ряда стереотипных семиэтажных домов, соединенных переходами на уровне второго этажа. Кирпичные дома, облицованные светло-зеленой плиткой, так когда-то строили в местах с повышенной влажностью. Теперь плитка во многих местах облупилась, осколки ее хрустели под ногами. Вошли в дом второй линии, спустились в подвал. Том заметил камеру видеонаблюдения. Полли позвонила в звонок. Железная дверь открылась, они вошли в небольшую комнату. Сидевшие на полу на матах несколько человек вскочили и бросились их обнимать. Полли осторожно приоткрыла дверь в заднюю комнату. Спиной к ним сидел в медитации Тадеуш.

– Мы здесь как на иголках, – не поворачиваясь, сказал он.

– Все в порядке, – ответила Полли.

– Попейте чаю, – Тадеуш показал на китайский чайный столик, – а потом нам надо будет срочно поговорить.

VIII

Они заперлись в задней комнате с Тадеушем и Франсуа.

– Теперь, – сказал Тадеуш, – когда с нами больше нет Лю, ты,

Том, у нас за главного военачальника. Нам нужен план.

Том знал, что у него нет права на возражения. Он сказал:

– Нужно быстро нанести удар по Агентству. Пока они нас не вычислили. Хорошо бы их обезглавить, устранив Колта. Но я не знаю, как к нему подобраться. Вот если бы удалось повесить на него взрыватель…

– Есть идея, – оживился Франсуа. Том давно не видел, чтобы у него так сверкали глаза.

Джим Колт вышел из Агентства в сопровождении дюжины охранников. Подошел к черному бронированному лимузину. По сторонам лимузин окружали еще четверо охранников. Один из них открыл шефу заднюю правую дверь. Колт уже занес ногу в салон, когда на его шею приземлилась муха.

– Мать твою, – выругался Колт и хлопнул рукой по назойливой твари.

Раздался взрыв, и голова Колта разлетелась на куски к ногам изумленных охранников.

Том наблюдал эту сцену из подвала по камере наблюдения. Он знал, что война только начинается. На удар Агентства последовал их ответный удар. Но на него обязательно последует новый удар со стороны Агентства. Это как игра в пинг-понг. Жизнь состоит из ударов и ответов. На смену Колту придут другие Колты. Но и на смену Тому придут новые Томы. Власть повсюду – она не только сосредоточена в центре Города, она в любом месте, в любой точке пространства и времени, в любом жесте, слове, намерении. Она таится и в самом тебе, в глубине твоих чувств и помыслов. Борясь с властью, ты борешься с самим собой. Но также в любом жесте, слове, намерении есть жизнь. И эта жизнь продолжается.